

ИРВИН УЭЛШ

Душераздирающая баллада,
издречно приправленная
шотландским туманом
и пьяными кельтскими обаянием.

The Scotsman

АЛКОВНЫЕ СЕКРЕТЫ ШЕФ-ПОВАРОВ

Уэлли неизменно доказывает,
что литература — лучший наркотик.

18+

Spin

Иностранная литература. Современная классика

Ирвин Уэлш

Альковные секреты шеф-поваров

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэлш И.

Альковные секреты шеф-поваров / И. Уэлш — «Азбука-Аттикус», 2006 — (Иностранная литература. Современная классика)

ISBN 978-5-389-12883-5

Два враждующих санитарных инспектора Дэнни Скиннер и Брайан Кибби работают в эдинбургской ресторанной инспекции. Скиннер – пьяница и футбольный фанат, ненавидит и терроризирует Кибби, а в свободное время читает Рембо, Верлена и Шопенгауэра и смотрит фильмы Феллини. Кибби, тихий и стеснительный, собирает модельки паровозиков, фанатеет от «Стар-Трека», всего боится и в итоге попадает в больницу с болезнью печени – притом что никогда ни капли не пил. А Скиннер решает излечиться от алкоголизма, едет в Америку и там – на собрании Общества анонимных алкоголиков – находит девушку своей мечты. Но девушки ему недостаточно, он хочет найти того, от кого его зачала мать на концерте Clash в 1980 году. И этот альковный секрет оказывается здесь ключевым – герой не может стать собой, пока не узнает, кто его отец... Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-12883-5

© Уэлш И., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Пролог	6
I. Рецепты	8
1	8
2	9
3	14
4	19
5	25
6	32
7	35
8	42
9	46
10	49
11	56
12	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ирвин Уэлш

Альковные секреты шеф-поваров

Irvine Welsh

THE BEDROOM SECRETS OF THE MASTER CHEFS

Copyright © 2006 by Irvine Welsh

All rights reserved

First published as THE BEDROOM SECRETS OF THE MASTER CHEFS

by Jonathan Cape. Jonathan Cape is an imprint of Vintage, a part of the Penguin Random House group of companies.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

(Иностранная литература. Современная классика).

ISBN 978-5-389-12655-8

Перевод публикуется в новой редакции.

© Н. Красников, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство ИНОСТРАНКА®

Душераздирающая баллада, щедро приправленная шотландским туманом и пьяным кельтским обаянием.

The Scotsman

Уэлш неизменно доказывает, что литература – лучший наркотик.

Лев Данилкин

(Афиша)

Уэлш – редкой злокозненности тварь, одна из самых талантливых в мировом масштабе. Его тексты – хорошая, по всем правилам сделанная беллетристика, типичная британская социальная сатира. Только вот с читателем здесь не церемонятся – спички между век вставляют и заставляют смотреть, как автор выскребает души своих героев. Смотреть, сука, сидеть, я сказал! – такая вот ироническая беллетристика.

Константин Мильчин

(TimeOut)

Герои Уэлша определены точно – это те, кто был зачат под Clash, а теперь отвисают под Coldplay. А вину за свое бессмысленное существование они сваливают на родителей – все они, они виноваты. Спали с кем попало, жили как попало, а нам теперь разгребай.

Коммерсантъ Weekly

Пролог

Она пришла танцевать

20 января 1980 года

– Блядь, ну это же *Clash!* – кричала зеленоволосая девчонка в бетонные глаза вышибалы.
– Ага, – отвечал вышибала, толкая ее обратно к сиденью. – А это кинотеатр.

Это действительно был кинотеатр, респектабельный «Одеон», и охрана всерьез намеревалась пресечь любые танцы. Но когда местная группа *Joseph K* отыграла первое отделение и на сцене появился во всей красе гвоздь программы с оглушительным хитом «*Clash City Rockers*»¹, весь зал как один человек ломанулся вперед. Зеленоволосая девчонка воспользовалась смутой и вновь полезла к сцене. Охрана еще какое-то время пыталась бороться с приливом, но вынуждена была капитулировать – где-то в середине программы, между песнями «*I Fought the Law*»² и «*(White Man) in Hammersmith Palais*»³.

Толпа растворилась в пульсирующем шуме: передние самозабвенно прыгали на пятачке перед сценой, задние взбирались на сиденья и тоже прыгали. Зеленоволосая девчонка оказалась ближе всех. И скакала, казалось, выше всех. А может, виноваты были зеленые волосы, вздымающиеся в стробоскопическом свете, как изумрудное пламя. Некоторые – их было немного – плевали в музыкантов, и девчонка кричала, чтобы они прекратили: кумир недавно перенес гепатит.

До этого она нечасто бывала в «Одеоне», последний раз – когда показывали «Апокалипсис»; но такого бедлама кинотеатр еще не видел, она могла поклясться. Ее подружка Тина танцевала рядом, в двух шагах, – из девушек лишь они ухитрились подобраться к сцене так близко, что практически чувствовали запах музыкантов.

Прикончив пластиковую бутылку из-под «Айрн-брю», наполненную смесью пива с сидром – «змеиный укус», чумовая вещь! – зеленоволосая девушка смяла ее и бросила под ноги, на липкий ковер. В мозгу шипели веселые пузырьки, алкоголь работал в паре с сульфатом амфетамина: девушка выкрикивала строчки песен, входила в транс, улетала в места, где можно забыть те слова, что он сегодня сказал...

Они как раз закончили заниматься любовью, и он как-то притих, отдалился; лишь слегка подрагивало распростертое на матрасе тшедушное тело.

– В чем дело, Донни? Что случилось?

– Да капец... – произнес он беспомощно.

– Не будь дурачком, – улыбнулась она, – все замечательно, сегодня идем на «Клэш», сто лет этого ждали...

Он повернулся: в глазах блестела вода, как у ребенка, – ее первый и единственный любовник, – и объявил, что трахался с другой девчонкой. Здесь, на этом самом матрасе, где они спали каждую ночь. Где только что занимались любовью.

– Это ничего не значит, просто глупость, – бормотал он, паникуя, угадывая истинные масштабы своего проступка по глубине ее реакции.

Он был еще молод, еще только нащупывал границы допустимого, по мере того как пополнялся его эмоциональный словарь – прямо на глазах и все равно слишком медленно. Он лишь хотел открыться, хотел быть честным...

¹ «„Клэш“ – городские буяны» (англ.).

² «Я сражался с законом» (англ.).

³ «Белый в Хаммерсмит-Пале» (англ.).

Девчонка видела, как шевелятся его губы, но почти не слышала слов. Вскочив с матраса, она поспешно оделась, достала из кармана один из билетов – и порвала на куски у него перед носом. А затем отправилась в «Южный бар», чтобы встретиться с остальными, как и было договорено, и пойти на концерт, в кинотеатр «Одеон», потому что величайшая рок-группа всех времен и народов гастролировала в ее городе, и она их сегодня увидит, а он пропустит, – и хоть так восторжествует справедливость.

Когда группа запела «Complete Control», высокий парень, что скакал рядом, – короткая темная стрижка, джинсы, кожаная куртка и мохеровый свитер – начал кричать ей в ухо. Девчонка не разобрала ни слова, но это не имело значения, потому что в следующую секунду ее губы уже гуляли по его лицу, а он обнимал ее за талию, и это было чертовски приятно.

Музыкантов повторно вызвали на бис. Они начали с довольно малоизвестного номера «Revolution Rock»⁴, а закончили убойным «London's Burning»⁵, переделанным на «Edinburgh's Burning»⁶. Девчонка тоже вся горела: метамфетамин плавил мозг, заставлял его пульсировать на холодном ветру, когда они вышли из кинотеатра. Парень собирался на вечеринку в Кэнон-гейт и пригласил ее с собой; она согласилась. Лишь бы не домой! И пусть кое-кто увидит, что она тоже умеет играть в эти игры.

Они шли пешком, ночь была холодной. Парень болтал не умолкая: очевидно, зеленая грива его здорово завела. Он рассказывал, что этот район раньше назывался Маленькой Ирландией, потому что его основали ирландские иммигранты. Здесь, на этих улицах, знаменитые душегубы Берк и Хэйр убивали нищих и бомжей, а трупы продавали врачам для анатомических опытов. Девчонка глядела ему в лицо – мужественные черты и нежные, почти женские глаза. Экскурсия продолжалась. Парень показывал на церковь Святой Марии и объяснял, что в этих стенах, за много лет до «Селтика» в Глазго, эдинбургские ирландцы организовали первый футбольный клуб. Возбужденно кивнув в сторону улицы, где родился великий революционер Джеймс Конноли, он рассказал о пасхальном дублинском восстании 1916 года, апофеозом которого явилось освобождение Ирландии от ига британского империализма.

Парень особо подчеркнул, что Конноли был социалистом, а вовсе не националистом. В этом городе никто не знает своих корней, вздыхал он, люди слепо верят в то, что им навязывают.

Но девчонку не интересовали экскурсии в историю, ее голова была занята другим. Этот красавчик должен был стать ее любовником – вторым за вечер. А на исходе ночи будет еще и третий.

⁴ «Революционный рок» (англ.).

⁵ «Лондон в огне» (англ.).

⁶ «Эдинбург в огне» (англ.).

I. Рецепты

1

Альковные секреты

16 декабря 2003 года

Дэнни Скиннер встал первым – надоело ворочаться. Уснуть так и не удалось. Плохой знак. Обычно он проваливался в тяжелое забытие сразу после любовных утех... Нет, не так. Он улыбнулся и перефразировал: сразу после секса. Кей Баллантайн безмятежно спала, блестящие черные волосы рассыпались по подушке, на губах еще остался характерный изгиб того наслаждения, что он ей доставил. У Скиннера в груди распустился бутон нежности.

– Любовные утехы, – шепнул он и поцеловал девушку в лоб – аккуратно, чтобы не царапнуть щетиной, взошедшей на остром длинном подбородке.

Запахнув зеленый шотландский халат, Скиннер потрогал золоченую вышивку на кармане. Арфа и цифры «1875» – эмблема футбольного клуба «Хиберниан». Подарок Кей на прошлое Рождество. Тогда они только начали встречаться, этот жест о многом говорил. А что подарил ей он? Уже не вспомнить. Кажется, танцевальное трико.

Скиннер прошел на кухню и достал из холодильника банку «Стеллы Артуа». Открыв пиво, он переместился в гостиную, вызволил из чрева софы пульт и включил телевизор, программу «Секреты шеф-поваров». Шоу пользовалось популярностью, шел второй сезон. Ведущий, известный кулинар, разъезжал по Британии и устраивал показательные выступления местных поваров, а победителя определяло жюри, состоявшее из разновеликих звезд и профессиональных критиков-гурманов.

Но последнее слово неизменно оставалось за ведущим, прославленным маэстро кулинарных дел Аланом де Фретэ, что наделал много шума, опубликовав книгу под названием «Альковные секреты шеф-поваров». На страницах этого фривольно-поваренного фолианта всемирно известные кулинары рассказывали о своих амурных похождениях, сопровождая сальные байки рецептами блюд, при помощи которых им удалось добиться заветного «да». Книга быстро сделалась сенсацией и на протяжении нескольких недель возглавляла список бестселлеров.

Для сегодняшней передачи де Фретэ и его съемочная бригада облюбовали большой отель в Роял-Дисайд. Знаменитый телеповар был жирен, напыщен и агрессивен: местный поварешкин, старательный юноша, явно не чувствовал себя хозяином на собственной кухне.

Потягивая пиво, Дэнни Скиннер наблюдал за бегающими глазами и оборонительными ужимками бедного новичка – и с гордостью вспоминал, как пару раз на собственной шкуре испытал (и с честью выдержал) напор нахрапистого тирана. Теперь оставалось только подождать, посмотреть, дадут ли ход его последнему отчету.

– Кухня должна свер-кать, свер-кать! – выговаривал де Фретэ, шутливо шлепая юного повара нарукавником по макушке.

Бедняга безропотно терпел, ошалев от камер, от важности момента, от размеров грозного суперповара, который его всячески шпынял и низводил до роли жалкой марионетки.

Со мной бы такой номер не прошел, думал Скиннер, поднося к губам пиво. Банка была уже пуста, но в холодильнике еще остались запасы.

2

Кухонные секреты

– У де Фретэ не кухня, а помойка. Сраная помойка!

Молодой человек с бледным лицом стоял на своем. Его наряд – безупречный коктейль от ведущих модельеров – не то что намекал, а просто кричал об идеалах, выходящих далеко за рамки офиса и зарплаты. При внушительном росте метр восемьдесят восемь Дэнни Скиннер казался еще выше – прежде всего благодаря черным пронзительным глазам, сверкавшим под столь же черными червеобразными бровями. Волнистые волосы цвета воронова крыла, расчесанные на пробор, придавали ему хулиганский и отчасти самоуверенный вид, усугубленный угловатыми скулами, а характерный изгиб тонких губ выглядел легкомысленным даже в самые хмурые минуты.

Его собеседнику, коренастому мужчине, было уже хорошо за сорок: румяное квадратное лицо, покрытое возрастными веснушками, янтарно-рыжие, зализанные на затылок волосы, легкая седина на висках. Боб Фой не привык к такому отпору. Его бровь скептически изогнулась – однако в этой гримасе и в общем выражении обрюзгшего лица сквозил интерес, даже нечто похожее на восхищение, и воодушевленный Дэнни Скиннер продолжал:

– Я просто исполняю свой долг. Кухня этого толстяка – позор!

Дэнни Скиннер всего три года работал инспектором санитарно-эпидемиологического контроля при городской администрации Эдинбурга, а прежде был стажером в том же департаменте, и начальник Боб Фой имел все основания считать его новичком.

– Сынок, ты понимаешь, о ком мы говорим? Алан де Фретэ! – хрюкнул он.

Разговор происходил в просторном офисе, разгороженном, словно конюшня, на маленькие клетушки. Свет струился сквозь большие окна, выходящие на оживленную улицу Роял-Майл, – даже двойные стекла не могли заглушить шума машин. Вдоль противоположной стены выстроились старомодные картотечные шкафы серой жести, доставшиеся в наследство от предыдущих поколений бюрократов, а рядом – копировальный агрегат, который чаще ремонтировали, чем использовали по назначению. В углу пряталась вечно грязная раковина; с ней соседствовали холодильник и стол с отслоившимся шпоном; на столе скучали чайник, заварник и кофейник. Лестница в глубине комнаты вела в соседнюю секцию, к залу заседаний, по пути заглядывая на промежуточный этаж, где скромно разместились еще два мелких офиса.

Скиннер украдкой оглядывал меланхоличные лица сослуживцев. Фой тем временем швырнул папку с его отчетом, продукт скрупулезного труда, на разделявший их стол. Освальд Айткен и Колин Макги смотрели куда угодно, только не на Скиннера с начальником. Макги, парень из Глазго, присадистый шатен в тесноватом костюме, делал вид, что изучает громоздкую перед ним гору бумаг. Айткен, изможденный дылда с жидкими соломенными волосами и морщинистым, буквально страдальческим лицом, бросил на Скиннера неприязненный взгляд – он видел перед собой молодого выскочку с беспокойными глазами, за которыми пряталась столь же беспокойная душа, постоянно борющаяся с демонами. От таких людей одни неприятности, думал Айткен. До пенсии оставались считанные дни, и вмешиваться он не собирался.

Поняв, что поддержки ждать не приходится, Скиннер решил разрядить обстановку:

– Про сырость на кухне я вообще молчу. Там лосось в мышеловке! Да еще и с астмой. Я уже хотел в Общество защиты животных звонить.

Айткен сморщился, словно проповедник, у которого в церкви испортили воздух. Макги испустил короткий смешок. Фой сохранил невозмутимость: переместил взгляд со Скиннера на лацкан собственного пиджака, смахнул перхоть, подумал о том, что делается на плечах... Надо напомнить Амелии, чтобы купила другой шампунь.

Его глаза снова уперлись в лицо Скиннера. Хорошо знакомый, испытующий взгляд: так смотрят не только начальники, но и все, кто пытается заглянуть за фасад, понять, что у тебя на уме. Скиннер мужественно выдержал испытание. Фой повернулся и кивнул – Айткен с Макги поняли намек и поспешно удалились.

Фой уставился на бунтовщика с удвоенным остервенением:

– Что, опять нажрался?

Скиннер ошетинился, инстинкт подсказал, что нападение – лучшая защита. Его глаза вспыхнули яростью.

– Вы с ума сошли? Какого вообще хрена?!

Фой, не ожидавший отпора, умерил пыл.

– Ну ладно, не кипятись. Я хотел сказать... За обедом, – он перешел на доверительный тон, – наверняка ведь пропустил стаканчик? Пятница же.

Фой и сам – на правах начальника – любил поддать по пятницам и даже на работе после обеда обычно не появлялся, но сегодня было исключение: он демонстративно расхаживал по офису и всюду совал нос, чтобы подчиненные могли удостовериться, какой он трезвый и деловой.

Скиннер тоже сбавил обороты – и сознался:

– Два лагера, подумаешь...

Фой развил мысль:

– Ты это... надеюсь, на кухне у де Фретэ от тебя перегаром не воняло? Они, повара, чуткие до таких вещей. Привыкли подручных обнюхивать.

– Что вы, Боб! Я его инспектировал во вторник утром, – ответил Скиннер и подчеркнул: – Вы же знаете, я подшофе на выезде не работаю. Сегодня просто бумажный день, никаких проверок, ну я и расслабился, выпил пару кружек. – Он зевнул. – Признаюсь, вторая была лишней. Но ничего, чашка кофе все исправит.

Фой взял со стола папку с отчетом.

– Пойми, приятель, де Фретэ местная знаменитость, «Le Petit Jardin»⁷ – его лучший ресторан. Две звездочки в справочнике Мишлена – это тебе не жуки-пуки! Подумай: кто еще в Англии может похвастаться?

Дэнни Скиннер задумался было о звездочках, потом решил, что ему наплевать.

Я санитарный инспектор, а не фанат сраного повара!..

Он промолчал.

Фой обошел вокруг стола, положил ему руку на плечо. В росте он сильно уступал своему подчиненному, но был здоров как бык, могучее тело только начинало дряхлеть. Скиннер ощутил тяжелую мощь обнявшей его руки.

– Я сам к нему зайду, поговорю по-приятельски, – сообщил Фой. – Попрошу прибраться на кухне.

Скиннер почувствовал, как нижняя губа выпячивается и кривится – неизбежная реакция на унижение. Он же исполнил свой долг, сказал правду!.. Ну, ничего не поделаешь. Скиннер не был ребенком, понимал толк в политике – все равны, но некоторые равнее, – и горькие слова о том, что какому-нибудь иммигранту из Бангладеш, разведи он на кухне такой же срач, не дали бы и яйца сварить в этом городе, застряли у него в горле.

– Конечно, шеф.

Если начистоту, Скиннер и впрямь слегка стусил краски в отчете. Де Фретэ был ему остро неприятен, хотя и вызывал странное любопытство. Книга толстяка под названием «Альковные секреты шеф-поваров», тайно и постыдно купленная в обеденный перерыв, лежала у него в портфеле, а первые абзацы пафосного предисловия до сих пор звучали в голове.

⁷ «Маленький садик» (фр.).

Мудрецы издавна знали, что простейшие вопросы исполнены глубочайшего смысла. Каждого приходящего ко мне студента я спрашиваю об одном: кто такой шеф-повар? И всякий раз молодежь удивляет меня своими ответами, и я на шаг приближаюсь к кулинарному совершенству, в основе которого лежит эта жгучая загадка.

Итак, кто такой шеф-повар?

Конечно же, он мастер. Упрямый ремесленник, гордящийся результатами своего тяжелого и зачастую монотонного труда. Конечно же, он ученый. Но не просто химик, а скорее алхимик, колдун, вдохновенный художник, чьи волшебные составы, питая тело и услаждая чувства, побуждают душу расправить крылья и устремиться в полет, к неземным высотам.

Материальным средством передвижения в этом полете является пища, не больше и не меньше, а траектория пролегает через наши органы восприятия. Именно поэтому я всякий раз объявляю изумленным студентам – а сейчас и вам, дорогие читатели, – что истинный шеф-повар есть не кто иной, как безнадежный и законченный сластолюбец.

Он просто гребанный повар, вот и все! Непонятно, чего тут выпендриваться. Надо же такое придумать: справочник сексуальных рецептов! Жирный боров! Все это чушь собачья, мерзкий хряк уже много лет свой член без зеркала не видел. А истощенные богемные импотенты ему верят, покупают гребаные бредни, и боров жиреет, богатеет, задирает нос... А я ничем не лучше: ношу в портфеле его блядскую книжку!

Заметив, что Дэнни покраснел, Фой на всякий случай убрал руку.

– Сейчас такое время, Дэнни, мы не можем раскачивать лодку. Так что, пожалуйста, никаких баек в кулуарах о том, какая грязная кухня у нашего друга де Фретэ!

– Не вопрос, шеф! – ответил Скиннер, с восторгом предвкушая, как сегодня же в баре все желающие узнают правду.

– Вот это по-нашему, Дэнни! Ты хороший инспектор, нам такие нужны. Ты ведь знаешь, нам сократили штат до пяти человек. – Фой сокрушенно покачал головой, затем ободряюще улыбнулся. – Завтра, кстати, выходит новичок, который перевелся из округа Файф.

– Что вы говорите! – Скиннер поднял брови, невольно подражая шефу.

– Точно. Брайан Кибби. Вроде нормальный парень.

– Здорово, – рассеянно ответил Скиннер, думая о предстоящих выходных. Сегодня он точно заложит за воротник: четыре выпитые за обедом кружки только разожгли жажду. Пятница – последний шанс, ведь субботу и воскресенье, за исключением завтрашнего футбола, надо провести с Кей...

У каждого эдинбуржца есть свои соображения насчет того, где кончается его город и начинается Порт-Лит. Одна из официальных версий утверждает, что граница проходит по залу «Пограничного» бара в Пилриге, другая привязывается к почтовому индексу И-Эйч-6. У Скиннера была своя теория. Он считал, что Лит начинается там, где сбегающая с холма пешеходная улица выравнивается под ногами, – удивительное ощущение, будто ты звездолет, вернувшийся из долгого странствия по иным мирам. Точка эта находилась где-то в районе бара «Бол фор».

По пути домой Скиннер решил зайти к матери – она жила через дорогу от своей парикмахерской, в мощенном булыжником переулке, что ответвлялся от Джанкшн-стрит. Дэнни здесь вырос и провел практически всю жизнь, а переехал только прошлым летом. Он много лет мечтал жить отдельно, но, когда мечта осуществилась, неожиданно для себя начал нестерпимо скучать по старому дому.

Старушка, видно, только пришла со смены, лосьоном для завивки так и шибает. Я уже и забыл, насколько въедлив этот запах, может весь дом пропитать. На руке у нее знакомая татуировка – кустарный рисунок индейскими чернилами. Она и попытки не делает его спрятать,

даже на работе. И клиентов не стесняется. Клиенты, конечно, тоже своеобразные, не то что в ресторане у жирного борова де Фретэ.

Все мое детство прошло в этой парикмахерской. Каждая старая пампушка, что здесь стриглась, была мне суррогатной тетушкой. Меня размазывали по пышным грудям, как драгоценный бальзам: бедный малютка, растет без папочки... Старый добрый солнечный Лит! Ни одно место не привечает своих сироток так заботливо, как порт.

Электрокамин с декоративными углями честно пытается согреть комнату, но жирный котяра, голубой перс, развалился перед решеткой на коврик и поглощает все тепло, эгоист хренов. Этот камин, облицованный в стиле ар-деко, задуман как центр интерьера. Правда, сейчас его отодвинула на второй план огромная рождественская елка. На стене над камином висит в рамочке обложка альбома *Clash* «London Calling»⁸, на которой фломастером написано:

Бeverli, королеве эдинбургских панков,

Любовь и чмоки.

Джо Эс, 20/01/80.

Старушка мнит себя великим знатоком человеческой природы. Думает, что работа научила ее читать людские души, как объявления в журнале «Хелло!». Когда клиент садится в кресло и объясняет, что хотел бы сделать со своими патлами – сухими, жирными, редкими или густыми, – она смотрит ему в глаза и спрашивает: «Уверены?» Клиент начинает нервно ерзать и предлагать другие варианты, а она слушает, шуруется – и наконец кивает: «Да, лучше так». И быстренько исполняет задумку, приговаривая: «Вот смотрите, как хорошо! Очень вам идет». Все неизменно довольны. И клиент становится постоянным. А бабушка хвалится: «Я этих зайцев знаю как облупленных! Они сами себя так не знают».

Ее единственному сынку-безотцовщине, однако, такой подход не по вкусу. Вот он я, полюбуйтесь, – развалился на кушетке с пультом в руке. Переключаю телевизор на программу «Шотландия сегодня». Мать сидит напротив в кресле и заводит свою шарманку.

– Ну что, – говорит она, сузив глаза за огромными очками, – страховку-то всю пропил?

Старушка продолжает набирать килограммы. Она и так коротышка, а тут еще лицо расплылось. И вдобавок – любовь к черному цвету. Никаких визуальных препятствий на пути возрастного ожирения.

– Нечестно, ага, – отвечаю я рассеянно.

В программу вклинивается спортивная хроника, Дерек Риордан заколачивает мяч в сетку.

– Ну и букмекеры внакладе не остались, – добавляю я.

Старушка, верно, шутит! Она не может не знать, во сколько влетел начальный взнос за квартиру. Может, напомнить ей, что за аварию я получил пятнадцать, а не сто пятьдесят?

– Значит, просадил свои денежки? – Она ерошит малиновую шевелюру.

Я не собираюсь с ней дискутировать.

– Как там говорил великий футболист? «Половину потратил на ипподром, женщин и выпивку. Остальное просадил».

– Ну что ж... – Старушка фыркает, встает и подбочивается, невольно подражая басисту Жан-Жаку Бернелу с плаката *Stranglers* у нее за спиной. – Надеюсь, чаю со мной выпьешь?

Не такой уж это гастрономический подарок, как она воображает.

– А из еды?

– Колбаски.

Ах, держите меня пятеро!

– Свиные или говяжьи?

⁸ «Лондон зовет» (англ.).

Старушка смахивает с лица очки – на переносице остаются углубления винного цвета – и пытается сфокусировать взгляд, как будто спросонья.

– Ты остаешься на чай или нет? – Она возит очками по блузке, протирая стекла.

– Н-ну... Остаюсь.

– Только не делай мне одолжений, Дэнни!

Она дышит на очки, снова протирает. Водружает на нос. Разворачивается, уходит на кухню, начинает возиться в холодильнике.

Я тоже встаю, перемещаюсь на кухню, облакачиваюсь на разделочную стойку.

– Может, мне отнести деньги на товарную биржу? Вложиться во что-нибудь долговечное. – Я дотрагиваюсь до ее татуировки. – Например, в индийскую тушь.

Она отдергивает руку, сверкает глазами сквозь очки:

– Нечего шутить! И нечего думать, что будешь всю жизнь из меня соки тянуть. У тебя хорошая работа, вполне можешь расплатиться с долгами.

Ну вот, каждый раз она сует мне в лицо гребаные долги! Старушка до сих пор считает себя королевой панков, а сама, по сути, бизнесвумен до мозга костей.

3

Отдых на природе

Чем круче забирал подъем, тем жиже становились заросли папоротника. Брайан Кибби отер пот, обильно струившийся из-под бейсболки, что, словно обручем, сдавила голову. Мешковатый свитер и штормовка трепетали на ветру. Брайан глубоко вздохнул, наполнив легкие прохладным горным воздухом. Жизненная сила горела и вибрировала в его тощем теле. Он взобрался на бугорок и обернулся, чтобы окинуть взглядом грандиозную горную гряду Манро и немислимый объем разверзшегося внизу провала.

Наслаждаясь чувством единения со вселенной, он умиротворенно думал, что это был самый верный шаг в его жизни: вступить в туристический клуб вместе с Иэном Бьюкеном, надежным и единственным другом еще со школьных времен.

По-настоящему их объединяла лишь страсть к компьютерным играм, однако они постоянно искали другие точки сближения и пытались втянуть друг дружку в свои занятия. Иэн был одним из немногих счастливчиков, допущенных на чердак Брайана Кибби, где располагался драгоценный макет железной дороги, хотя Кибби понимал, что другу, в сущности, наплевать на игрушечные поезда; да и сам он был равнодушен к увлечению Иэна сериалом «Стар-Трек». Но его любовь к туристическим походам была сильной и искренней.

Брайан обожал проводить выходные с этой дружной, крепко спаянной командой, носящей имя «Заводные походники». Его больной отец тоже был доволен: сын стал чаще бывать на воздухе в компании с другом. Правда, одержимость Иэна «Стар-Треком» и то, что других приятелей у Брайана, по сути, и не было, не могли не настораживать Кита Кибби... Старик в последнее время сильно сдал. Вчера вечером, когда семья пришла навестить его в больнице, он выглядел совсем слабым.

Брайан слизнул с губ жгучую соль и, одолев еще несколько метров крутого склона, поднес ко рту бутылку газированной воды. Внизу над обрывом клубилось облачко мошкары – густое, грибовидное, каких он раньше никогда не видел; смотреть туда было страшно. Он глотал минералку и чувствовал, как пузырьки щекочут пересохшее горло.

Теплое чувство самодостаточности переполнило его грудь. Великолепная панорама ущелья, обрамленного строгой зубчатой линией горного хребта, расплескалась перед ним во весь горизонт, под идеальный аккомпанемент в наушниках айпода: *Coldplay*, альбом «Parachutes». Он нажал «стоп» и дернул провода, чтобы послушать тишину, прошитую редкими стежками птичьих криков.

Раздался хруст шагов: кто-то приближался. Полагая, что это Иэн, Брайан сказал не оглядываясь:

– Посмотри на это чудо! В такие минуты только и живешь... по-настоящему.

– Да, красиво, – согласился женский голос.

Волна панического ликования поднялась в сердце Кибби и затопила вселенную. Он обернулся – щеки вспыхнули, глаза увлажнились. Перед ним стояла Люси Мур! Цвели пронзительные синие очи, белые кудряшки танцевали на ветру... Она заговорила! С ним!

– Э-э... Д-да, – выдавил он, сорвавшись взглядом в алое ущелье ее рта.

Люси, казалось, не заметила его смущения. Сосредоточенно оценив цепочку покрытых снегом вершин, она задержалась на самой высокой.

– А слабо забраться во-он туда? На самый верх?

– Ну-у... зачем? По тропинке безопаснее, – спасовал Брайан. И тут же пожалел о своей робости.

Люси разом потеряла к беседе интерес; хуже того, вокруг нее возникла знакомая аура легкого презрения, типичная реакция представительниц противоположного пола, к которой Брайан уже давно привык.

– Вообще соблазнительно выглядит, – выдавил он, отчаянно пытаясь исправить ситуацию.

– Я бы с удовольствием полезла, – смягчилась Люси, но смотрела уже не так настойчиво. Кибби замешкался и за неимением лучшего прошамкал:

– Да, было бы здорово, это правда...

Наступившее вслед за тем молчание было столь мучительным, что Кибби, умудрившийся дожить до своих двадцати с лишним лет, не поцеловав ни одной девушки, не говоря уже о большем, согласился бы до гробовой доски остаться девственником, только бы избежать этой пытки. Кровь сжигала его щеки, слезы кипели в непроизвольно моргающих глазах, сопли бежали из носа щедрым потоком, а горло пересохло так, что, попытайся он заговорить, его голос не отличался бы от хруста веток под ногами.

Выход из немыслимого тупика подсказала Люси:

– А который час?

Кибби ринулся задирать рукав с такой отчаянной поспешностью, что едва не порвал ремешок.

– Око-ко-ко... око-коло д-двух, – отрапортовал он, заикаясь.

– Наверное, надо возвращаться в лагерь? А то обед пропустим. – Люси прищурилась с задумчивым любопытством.

– Да, то-а-чно! – Кибби от волнения дал петуха. – Это такие обжоры, ничего не оставят!

Люси ответила печальной улыбкой. У Кибби внутри что-то оборвалось: так же улыбались подруги сестры, сама сестра, девушки в офисе – все молодые женщины, которых он знал... Голове стало жарко, он сорвал бейсболку и запихнул в карман. Ветер освежил разгоряченные виски.

Каменная стена карьера – отвесная, мрачная, непреклонная, словно нагромождение могильных плит... Стоя на противоположном берегу искусственного озера, Дэнни Скиннер вглядывался в сухие деревья под стеной, пытаясь различить проблески света среди зловещих теней. Ливший с утра дождь наконец прекратился, мокрое небо дрожало в ожидании ночной прохлады.

Скиннер поежился от озноба и от неприятной, отдающей кокаином мокроты в гортани... Три неподходяще одетых человека стояли рядом с ним, хищно наблюдая за двумя копошащимися у воды рыболовами, которые, напротив, были экипированы в полном согласии с декабрьской погодой. Эти трое были: Малютка Роб Маккензи, казавшийся грузным даже при росте метр девяносто два, лучший друг Скиннера со школьной скамьи, впоследствии ставший лучшим собутыльником; Гарет, которого Скиннер знал недолго, всего пару недель, но еще до знакомства был наслышан о его подвигах; и наконец, Демпси – единственный, кто вызывал беспокойство. Несмотря на молодость, Скиннер успел потереться в известных кругах и повидал крутых парней. Некоторые были обычными психопатами, хотя со временем таких становилось все меньше, – очевидно, вырастая, они предпочитали общаться с себе подобными. Но Демпси – в нем было нечто вездесущее, пожирающее... Весьма полезный персонаж в определенных уличных заварушках, однако здесь и сейчас – явно не в своей обойме. А может, думал Скиннер, это я не в своей обойме?

Они все принадлежали к братству футбольных фанатов: собирались в баре по субботам, смотрели матч, потом наводили шорох, хотя дальше криков и угроз дело редко заходило.

Как же получилось, в который раз спросил себя Скиннер, что в этот дрянной, промозглый субботний вечер я оказался на карьере в Западном Лотиане?

Ответ был прост: кокаин. Сегодня в баре, когда толпа рассосалась и они остались вчетвером, чертов Демпси пошел нарезать дорожку за дорожкой, а потом предложил небольшое приключение на природе. В тепле и уюте, на пике прихода, предложение показалось заманчивым; затем погода внесла коррективы, и затея из веселой превратилась сперва в сомнительную, а потом просто в скучную. Больше всего на свете Скиннеру хотелось оказаться сейчас дома, с Кей.

Он сказал ей, что едет с друзьями на рыбалку – раз уж отменили футбол. Странное желание, хотя, по сути, недалеко от правды. Черт, надо было уйти с ней! Эта мысль не давала Скиннеру покоя. Он с некоторым облегчением вспомнил, что у Кей сегодня вроде репетиция, которая может затянуться. И все равно на душе было тревожно. Хотя, конечно, не так, как у двух злосчастных рыболовов.

– А что, парни, щука в карьере есть? – спросил Скиннер, чтобы разрядить обстановку. – Раньше только ерш был. А потом местные щуку завели. Ключиком покрутили: раз, раз, – продолжал он, не особо надеясь на реакцию, – и поплыла. И всего ерша погрызла. Заводная щука – страшное дело! – Он повернулся к друзьям и отметил кривую ухмылку Демпси. – Дошло до того, местные стали пиво с водкой в карьер лить: хоть какой-то ерш.

Лицо Скиннера расплылось в улыбке, сверкающей, как надгробная табличка: он почувствовал, что рыболовов пугают его слова. Правда, те быстро поняли причину его радости, и это слегка испортило эффект.

Толпа ренегатских черных туч облепила бледное закатное солнце; по озеру пробежала липкая тень, заставив одного из рыболовов, рыжеволосого парнишку, содрогнуться от озноба. Маккензи посчитал нужным на это отреагировать и пнул коробку с крючками и наживкой. Черви выплеснулись в грязь.

– Опа, споткнулся!

Скиннер и Гарет обменялись понимающими взглядами: поручи дело Маккензи – и он все испортит идиотскими репликами, произнесенными с шокирующей простотой.

– Ну чё, селяне! – начал Демпси. – Фанаты в деревне есть? – И, не дождавшись ответа, повысил голос: – Тебя спрашиваю, манда рыжая! За кого болеешь?!

– Футболом не интересуюсь, – буркнул парнишка.

Демпси несколько секунд обдумывал полученную информацию, удовлетворенно кивая, как аристократ, отведавший хорошего вина.

– Щука – страшный зверь, – со смехом вел свою линию Скиннер. – Пресноводная акула! Злоба у нее в крови.

– Дикси из Батгейта знаешь? – рявкнул Демпси, игнорируя Скиннера.

Страсти начали накаляться.

Рыжий помотал головой. Его приятель кивнул. Оба паренька старательно избегали контакта глазами.

– Да, имя знакомое.

– Увидишь этого гондона, передай: его Демпси ищет. – Демпси сделал ударение на своем имени; к его огорчению, на рыболовов это впечатление не произвело.

Скиннер раздраженно ковырнул камешек носком ботинка и зафутболил в карьер – парочка неплохих блинов, затем короткий бульк. Да уж... Попили пива, понюхали порошка. Затем поперлись в Западный Лотиан вершить мутную вендетту – какие-то разборки между Демпси и его старым знакомым, многолетняя вражда, причин которой никто уже не помнил. Злодея выследить не удалось, поэтому отправились бродить по окрестностям. На случайных рыбаков наехали просто из досады. Но были и другие, глубинные резоны, думал Скиннер. Противостояние старой и новой гвардии, демонстрация крутизны, Маккензи против Демпси. А бедные парни всего лишь подвернулись под руку.

– Извините, что потревожили, пацаны. Хорошего клева! – Скиннер жизнерадостно помахал рукой и кивнул Гарету.

Они вдвоем развернулись и потопали прочь, к дороге. Маккензи и Демпси, однако, задержались.

– Эти двое... – усмехнулся Гарет. – Чем яйцами мериться, сняли бы на выходные номер и предались греческой любви. Успокаивает.

Скиннер считал Гарета классным парнем, но в ответ лишь скупой улыбнулся, сохраняя достоинство.

– Закидывать удочки и палочки, – сказал он ни к селу ни к городу, – священное право каждого мужика.

Сзади раздались крики и ругательства. Скиннер и Гарет продолжали невозмутимо шагать к машине.

Некоторое время спустя в зеркале заднего вида показались Демпси и Маккензи.

– Уделали пидоров, – пропыхтел Демпси, забираясь на заднее сиденье; под глазом у него красовался фонарь.

Маккензи улыбался акульей улыбкой.

– Мобильный у них был? – раздраженно спросил Гарет. – Местные сейчас облаву устроят.

– Да там, наверное, не ловит, – с сомнением отозвался Демпси. – У карьера такие стены...

Гарет завел машину и утопил педаль; они выбрались на мощеную дорогу и свернули к Кинкардинскому мосту.

– Поедем в окрестную, чтоб не поймали. А вы, герои, – он кивнул в зеркало, – из Стерлинга на электричке доберетесь.

Скиннер прикидывал: обиделся ли Демпси, что его определили на заднее сиденье? Наверняка, если учесть, что рядом развалился Малютка Маккензи.

– Бля-а! – застонал Демпси. – Ну ты параноик!

– Иди в жопу, Демпси! – огрызнулся Гарет. – Я в эту мухосрань зачем приехал? Чтоб посмотреть, как ты на мирных жителях отрываешься?

– Вот знаешь что... – начал Демпси.

– Да ничего! Я думал, тебе надо разобраться с Энди Диксоном. Согласился помочь как дурак. Во-первых, потому, что обнюхался, во-вторых, сам этого губошлепа не перевариваю. И чего в итоге? Эти двое – кто из них был Энди Диксон? Никто? Блядь, я так и подумал.

– Да они борзеть начали! – шипел Демпси.

– Они рыбу ловили!

Скиннер видел в зеркале, как Демпси прожигает взглядом дыру в затылке Гарета, но тому было наплевать. Маккензи между тем приступил к вдохновенному живописанию подробностей битвы. Поняв, к чему идет дело, один из рыболовов решил ударить первым и что было дури засадил Демпси в глаз.

– Рыжий говнюшок! – радостно пояснил Маккензи. После чего поведал, как он одним ударом вырубил второго пацана, а потом с наслаждением наблюдал за Демпси, который поначалу опешил от ярости и огорчения, но в конце концов заборол-таки обидчика и от души на нем оттоптался.

Демпси на протяжении всего рассказа только зубами скрипел, свернувшись в углу, как пружина. Плевать, что он едва не убил проклятого рыбака! Маккензи запомнит не это, а позорный, обидный, заставший врасплох первый удар. И пусть рыжий гад с лихвой заплатил за свою дерзость – все равно история войдет в анналы под названием «Как Демпси на карьере по морде получил». В многочисленных пересказах злополучный первый удар обретет яркость и вес, а ответная трепка поблекнет и забудется, и весь эпизод будет выглядеть как подвиг неизвестного рыболова – сияющая улыбка Маккензи была тому лучшим подтверждением.

Кончилось тем, что Гарет, проникшись жалостью к пережившему унижение Демпси, а может, опасаясь последствий драки, согласился развезти всех по домам. По мере того как мелкие пригородные коттеджи вырастали в многоэтажные монолиты, Скиннер все беспокойнее думал о том, что должен немедленно ехать к Кей. Но тут Маккензи предложил по пиву, и отказываться было глупо, ведь одна кружка еще никому не повредила.

4

Курорт Скегнесс

Гусиный взгляд Джойс Кибби лишь на секунду – так показалось ее затуманенному разуму – переключался со скворчащей яичницы на фотографию, что скромно притаилась на декоративной полочке. Эту полочку, как и прочую кухонную мебель в стиле эпохи Тюдоров, собственными руками смастерил ее муж.

Снимок был сделан на курорте Скегнесс: она, Кит и двое детей. Год, наверное, 1989-й. Тогда еще все время шел дождь. Их сфотографировал парнишка по имени Барри, обслуживающий аттракцион «Потешный гольф». Для большинства гостей это была обычная семейная карточка, одна из многих, тем более что дом Кибби старыми снимками буквально набит; Джойс, однако, воспринимала ее как магический, трансцендентный объект.

Ей казалось, что на фотографии схвачена глубинная сущность их семьи: Кит со своей жизнерадостностью, добытой тяжелым трудом; Кэролайн с детским вызывающе-ястребиным весельем, которое она не утратила, даже повзрослев; Брайан, улыбающийся робко, словно боясь привлечь злые силы слишком открытой демонстрацией своего счастья, – осторожность, унаследованная от матери...

Ноздрей Джойс коснулся запах гари.

– Ах, господи! – Она убрала сковороду с конфорки и принялась ворошить припекшиеся яйца деревянной лопаткой. А всему виной пилюли, которые прописал доктор Крейгмайер! Нервы успокаиваются, зато ходишь как сонная муха.

Но где же Кэролайн?

Джойс Кибби, худощавая женщина без малого пятидесяти лет, с большими тревожными глазами и выдающимся носом, пересекла кухню и позвала, высунув голову в коридор:

– Кэролайн! Завтракать!

Кэролайн Кибби в своей комнате на втором этаже приподнялась на локте и убрала с лица светлые волосы. Со стены ее приветствовал огромный плакат Робби Уильямса. Певец всегда казался таким милым, трогательным... Но сегодня что-то случилось: Робби смотрел чуть ли не простаком. Кэролайн выпростала из-под одеяла ноги, помедлила, рассматривая гусиную кожу на икрах. Снизу донесся крик Джойс:

– Кэрола-а-а-айн!

– Иду, блядь!.. – буркнула Кэролайн, глядя на плакат.

Она соскочила с кровати, поежилась от холода, сняла с крючка на двери голубой халат и накинула на плечи. В коридоре она инстинктивно запахла, прикрыв грудь. Брат собирался на работу: дверь в ванную была открыта, оттуда шел пар. На запотевшем зеркале сочилась криво нарисованная звезда Давида. Брайан уже облачился в темно-синий костюм, купленный по настоянию отца специально для новой должности. Костюм сидел хорошо, скрывая болезненную худобу брата, превращая ее в элегантную изящность. Совсем другое дело. Да, подумала Кэролайн, костюмчики ему идут.

– Шикарно, – оценила она.

Брайан в ответ улыбнулся, показав крупные белые зубы. Хорошие у братишки зубы, красивые. Сегодня у Брайана важный день. Новая солидная работа, крупный санитарно-эпидемиологический отдел, не то что контора в округе Файф. Жалованье на несколько ступеней выше. И вдобавок добираться ближе и дешевле. А с другой стороны, ответственности не в пример больше.

По усталым глазам брата было заметно, что он волнуется. Хотя сейчас для всей семьи трудное время.

– Нервничаешь? – спросила она.

– Не-а... чуть-чуть.

– Кэрола-а-айн! – Высокий, гундосый голос Джойс. – Завтрак остынет!

Кэролайн перегнулась через перила:

– Да слышу я, не глухая!!!

Брайан с тревогой отметил напрягшиеся сухожилия на шее сестры.

Джойс мгновенно прекратила кулинарную возню; гнетущая тишина поднималась с кухни душным паром – можно было подумать, что рядом с матерью лежала, истекая кровью, соседка, которой снайпер прострелил голову.

Брайан испуганно уставился на Кэролайн. Та молча пожала плечами.

– Кэр, ну чего ты!

– Она меня бесит.

– Ты же знаешь, это из-за отца... Такой стресс для нее.

Тон брата показался сестре покровительственным.

– Не только для нее! – резко ответила она.

Этот металл в голосе – что-то новое, обеспокоенно думал Брайан. До сих пор она почти не показывала, что переживает из-за болезни отца. Но ей наверняка тяжело. Она ведь его любимица. Старый Кибби всегда ее прощал, делал скидку на молодость, говорил: такой у девчонки характер... А теперь она еще и за меня волнуется. Первый день на новой работе, все такое.

– Не заводи ее, Кэр.

Кэролайн снова пожала плечами. Они вдвоем спустились на кухню. Брайан изогнул брови при виде стоящей на столе громадной тарелки с яичницей, ветчиной, жареными помидорами и грибами. Матери не давала покоя его худоба, однако все старания были напрасны: он мог есть сколько угодно, совершенно не прибавляя в весе, – унаследованная от нее же особенность метаболизма.

– Потом еще спасибо скажешь, – заверила Джойс, предупреждая его комментарий. – Кто знает, чем там в столовой кормят. Помнишь, как тебя тошнило от еды в Киркалди?

Она повернулась к Кэролайн и поморщилась: та положила кусок яичницы на хлеб и брезгливо отодвинула ветчину. Гримаса матери не осталась незамеченной.

– Я тебе, кажется, говорила, что не ем мяса! – выпалила Кэролайн. – Зачем ты кладешь ветчину на тарелку, если знаешь, что я не ем мяса?

– Ну ладно, один кусочек, – умоляюще сказала Джойс.

– Ты вообще слышишь, что я тебе говорю? Что, по-твоему, означает утверждение «я не ем мяса»?

– Но организму нужно мясо! Один кусочек, в самом деле! – Джойс завела глаза и повернулась за поддержкой к Брайану, который сосредоточенно мазал маслом бутерброд.

– Я. Не ем. М-мяса! – отчеканила Кэролайн каким-то новым тоном, словно потешаясь над матерью.

– Зачем скандалить из-за ерунды! – Джойс тоже разгорячилась. – Ты ведь молодая, еще растешь...

– Ага! И что из меня вырастет – под твоим руководством?

– Да у тебя самая настоящая анорексия! – заявила Джойс. – Я читала об этом! Все молодые девушки переживают из-за своего веса, морят себя голодом, и ничего хорошего...

– Как ты можешь! – Кэролайн побагровела. – По-твоему, я ненормальная?!

Мать с горечью посмотрела на дочь. Что эта наглая соплячка может знать о болезнях?

– Твой отец сейчас в больнице, под капельницей, борется за жизнь. Он бы сейчас все на свете отдал, только бы съесть что-нибудь тверденькое...

Кэролайн проткнула вилкой ветчину и сунула ее матери под нос.

– Ну и отнеси ему!

Она швырнула вилку, вскочила и убежала по лестнице вверх.

Джойс мелко затряслась в беззвучном плаче.

– Ох эта... эта маленькая... – Она внезапно успокоилась, словно вспомнив, что Брайан тоже сидит за столом. – Извини, сынок. Твой первый день на новой работе... Я эту девчонку совсем не знаю, – добавила она, глядя в потолок. – Она раньше такого себе не позволяла, и если бы твой отец...

– Не волнуйся, мам! Я с ней сейчас поговорю. Она ведь тоже переживает из-за папы... По-своему.

Джойс тяжело вздохнула:

– Не надо, сынок. Доедай завтрак, еще опоздаешь на работу в первый день. На новую работу... Нечестно, просто нечестно! – добавила она, непонятно что имея в виду.

Брайан Кибби только этого и хотел: поскорее выбраться из дому. Времени было еще полно, но он поспешно затолкал в рот остатки яичницы, нахлобучил красную бейсболку, выскочил на улицу – и, не чуя ног, взбежал по проезду Фезерхол до перекрестка с Сент-Джонс. К остановке как раз подъехал двенадцатый автобус! Брайан прибавил газу и успел в последний момент – даже умудрился занять место у окошка. За вспотевшим стеклом поплыли холодные мокрые кварталы. Автобус медленно пробирался сквозь пробки: мимо зоопарка, потом по Вест-Корнер, Розенберн и Хеймаркет, потом по улице Принцев. На остановке «Уэйверли» Брайан вышел и поднялся по Кокберн до перекрестка с Роял-Майл. Бейсболка, украшенная эмблемой клуба «Манчестер Юнайтед», не гармонировала со строгим костюмом; он снял ее и спрятал в сумку.

Побег из дому его согрел, однако промозглое утро быстро дало о себе знать. Стылый туман, смешанный с мелким дождем, пропитал одежду, и Брайан подумал, что в Шотландии выйти на улицу – все равно что попасть в холодную сауну. Чтобы убить время, он решил прогуляться по Роял-Майл. В газетном киоске уже лежал свежий «Гейм информер»; он купил его и засунул в сумку. Свернув на боковую улицу, почувствовал в желудке трепещущие крылышки: здесь располагался один из его любимых магазинов. Изящная крашеная вывеска гласила:

А. Т. Вилсон

Хобби и развлечения

Брайан подумал об отце – тот дразнился всякий раз, когда сын ходил сюда за покупками. «Опять игрушек захотелось? А сколько тебе лет, помнишь?» Старший Кибби говорил это в шутку, но в голосе звенели ироничные издевательские нотки. Брайан краснел от стыда и всячески скрывал свои визиты к А. Т. Вилсону.

Макет железной дороги на чердаке Кибби выглядел весьма впечатляюще, хотя оценить его было практически некому: Брайан не мог похвастаться обилием друзей. Кит Кибби был машинистом и рассчитывал, что сын унаследует его любовь к локомотивам; можно представить его разочарование, когда он понял, что мальчишку интересуют только макеты. Тем не менее отец не потерял надежды, что игра перерастет в профессию, – прирожденный самоделкин, он настелил на чердаке пол, провел свет и соорудил алюминиевые каркасы.

Что Брайан действительно унаследовал от отца, так это умелые руки. Пока Кит был здоров, его мастерская располагалась там же, на чердаке, в дальнем углу. Позднее, когда взбираться по лестнице стало тяжело, он перенес ее в сарай, и все верхнее пространство перешло в распоряжение сына – здесь обосновались знаменитая железная дорога, макет игрушечного города, а также коробки, забитые детским хламом, и бесчисленные стеллажи с видеоиграми и подшивками журнала «Гейм информер».

Чердак сделался убежищем Брайана. Кроме него, сюда практически никто не залезал. Здесь мальчик укрывался, приходя из школы, где над ним издевались одноклассники; здесь он просиживал вечерами, думая о грешных картинках, стыдливо мастурбируя в темноте, пока

его воспаленный ум перебирал образы знакомых девчонок – обнаженных или полуодетых, – на которых он в реальной жизни даже посмотреть стеснялся, не говоря уже о том, чтобы подойти.

Но главной его страстью была железная дорога. Этого хобби он тоже стеснялся. Оно разительно отличалось от всего, чем увлекались другие дети (или делали вид, что увлекались), а по остроте наслаждения соперничало даже с онанизмом. Со временем Брайан все сильнее отдалялся от сверстников – и чувствовал себя вполне свободным только здесь, на чердаке, в роли безраздельного и могущественного владыки игрушечного мирка, который он создавал своими руками.

Дежурные шутки Кита – дескать, старика выжили с чердака – таили в себе горькую начинку, и горечь эта была обусловлена не только мыслями об уходящем здоровье. Отец боялся, что психологически замуровал мальчика в душном объеме под крышей, пойдя навстречу его странному увлечению.

Когда Брайан, по мнению родителей, стал слишком взрослым, чтобы проводить каникулы в кругу семьи, Кит поинтересовался, не хочет ли сын куда-нибудь съездить.

– В Гамбург, папа! – возбужденно ответил юноша.

Кит с тревогой подумал о грязных туристических соблазнах Рипербана, квартала красных фонарей, затем вспомнил собственные юные проделки в Амстердаме и с некоторым облегчением решил, что парнишке давно пора развеяться и приключение пойдет ему на пользу. У него в груди что-то больно скрипнуло, когда Брайан пояснил:

– Там самый большой в мире макет железной дороги!

Но винить было некого: Кит собственными руками культивировал в сыне необычную страсть. Под его руководством были возведены холмы из папье-маше, вокруг которых извивались игрушечные рельсы; он помог спроектировать туннели и сложные архитектурные элементы. Предметом особой гордости Брайана было здание вокзала с прилегающей гостиницей, прототипом которому послужил лондонский Сент-Панкрас. Проект вырос из домашнего задания по труду и пережил несколько попыток саботажа со стороны местного хулигана Энди Макгриллена, который издевался над Брайаном с особым рвением. Юного конструктора, однако, ничто не могло остановить: в конце концов он ухитрился пронести полузаконченный макет мимо подстерегавшего во дворе обидчика и в безопасной чердачной тиши сделал его зародышем своего искусственного поселка.

Постепенно Киббитаун, как Брайан его часто называл, заметно разросся. К ландшафту прибавился футбольный стадион, скопированный с «Саббатео», и железная дорога обегала его полукругом, почти как в Броксвилле или в Старкс-парке. Последней амбициозной задумкой творца была новая трибуна, нависающая над беговой дорожкой наподобие трибуны дублинского комплекса «Лэнсдаун-роуд». Брайан даже переборол неприязнь к спорту и посетил несколько матчей на стадионах «Тайнкасл» и «Марейфилд», чтобы присмотреться к архитектуре.

Кит неизменно волновался, когда сын начинал новую фазу проекта: его беспокоила судьба холмов из папье-маше. Но Брайан строил аккуратно, приспосабливаясь к существующему ландшафту, – и делал это буквально без передышки. Вырастали новые кварталы, небоскребы, коттеджи – все, на что было способно его воображение, – и макет расплзался по чердаку, пародируя экспансию западного Эдинбурга.

И вот теперь, в дождливое утро, зачарованно стоя перед витриной магазина А. Т. Вилсона «Хобби и развлечения», Брайан не мог поверить своим глазам. Нет, это не сон! Великолепный малиново-черный локомотив блистал за стеклом, и сбоку на золоченой табличке – сердце Брайана сладко забилося – было написано: «ГОРОД НОТТИНГЕМ». Редчайшая коллекционная модель, знаменитый Ар-2383 Би-Ар класса «Принцесса» под названием «Город Ноттингем». Предмет безутешного вожделения, сделавшийся дефицитом сразу после выпуска.

Сколько лет я за ним охотился?!

Кровь шумела у Брайана в висках. Он посмотрел на часы – магазин открывался в девять, ровно через пять минут, а ему нужно было предстать перед мистером Фоем в девять пятнадцать. Локомотив стоил 105 фунтов. Если протянуть до обеда, драгоценную модель, без всяких сомнений, перехватят конкуренты. Брайан рванул через дорогу к ближайшему банкомату и получил деньги – задыхаясь от восторга и одновременно трепеща от мысли, что какой-нибудь ушлый коллекционер его опередит.

Подбегая к магазину, он увидел у дверей хозяина, старого Артура: тот отпер замок и шагнул внутрь. Кибби ворвался следом – и затормозил, чтобы не врезаться в старика, который, нагнувшись, подбирал с пола утреннюю почту. Пришлось прождать несколько мучительных секунд. Артур справился с конвертами, распрямился и произнес:

– А, Брайан, сынишка! Догадываюсь, зачем ты пришел.

Кибби снова взглянул на часы: только бы не опоздать! Сегодня первый день, он обязан явиться вовремя, чтобы не произвести дурного впечатления. Хорошее начало – залог успеха. Пунктуальность передалась ему от отца – машинист, понятное дело, – и с годами сделалась одним из фундаментальных качеств личности.

Старый Артур слегка опешил, когда парнишка убежал с покупкой как ошпаренный и даже не задержался поболтать, как было заведено. Вот молодежь пошла, думал он осуждающе.

Кибби между тем неся через дорогу с коробкой под мышкой, повторяя как заклинание: «Не опоздать, только не опоздать!» Сегодня они должны были идти в больницу, и он хотел честно посмотреть отцу в глаза: в первый день все прошло отлично. Судя по часам на колокольне Трон, время еще было. Брайан начал успокаиваться и даже сбавил ход, чтобы восстановить дыхание.

Перед входом в «Сити чамберс», здание городской администрации, дорога была разрыта, шел ремонт. В старом булыжнике на Роял-Майл постоянно ковыряются, подумал Кибби. И вдруг узнал одного из рабочих. Это был Макгриллен, заклятый школьный палач, – в стеганой фуфайке без рукавов, с тяжелым отбойным молотком, прыгающим в мускулистых руках.

Кибби мельком взглянул на собственные щуплые бицепсы и вспомнил нелепое отцовское наставление: «Если в школе будут обижать, бей в зубы!» – и в качестве иллюстрации – тяжелый кулак машиниста, покрытый старыми шрамами.

Его рука инстинктивно стиснула драгоценную коробку.

Макгриллен поднял голову, и по его лицу проползла медленная гримаса узнавания. Кибби почувствовал знакомый парализующий всплеск, однако чем дольше он глядел на старого обидчика, тем острее страх сменялся другой, менее определенной эмоцией. Презрение в глазах Макгриллена осталось прежним, но в этот раз на нем была рабочая фуфайка, а на стоящем перед ним заморыше – строгий деловой костюм, и мелкий буржуа в душе бывшего хулигана оробел и стушевался. И Кибби почувствовал это! Он понял, что перед глазами Макгриллена развернулось немудреное скучное будущее – с отбойным молотком, из котлована в котлован. Не чета чистому чиновнику в галстучке, санитарному инспектору, важной птице!

Кибби не смог удержать ухмылки. Наконец, после стольких лет унижений на школьном дворе, после позорных петляний в обход, мимо бакалейной лавки, он сумел хоть как-то отомстить! Ехидная ухмылка, должно быть, вонзилась раскаленным гвоздем в сердце бедного хулигана, подумал он, взбегая по ступеням. И на всякий случай отвел взгляд и независимо выпрямил спину, показывая, что по ошибке принял Макгриллена за кого-то другого.

Из внушительного вестибюля Кибби поднялся по лестнице, отделанной красным деревом. Подъехал лифт, двери разошлись: внутри стоял парень в костюме, его ровесник, может быть чуть старше. Сразу видно, хороший человек, подумал Кибби, и костюм, похоже, дорогой. Да еще и улыбнулся – как равному! А почему бы нет? Ведь перед ним не проходимец, не чернорабочий типа Макгриллена, а солидный чиновник городской администрации.

Да таких, как Макгриллен, к этому парню даже на прием не запишут!

И тут Кибби заметил, что незнакомца сопровождает девчонка. Его гормоны взбурлили: она тоже улыбнулась, прежде чем возобновить прерванный разговор! Вау, восхищенно думал Кибби, разглядывая темные волосы, яркие живые глаза, полные губы. Какая куколка!.. От переизбытка эмоций он даже позабыл о коробке, которую сжимал под мышкой.

Лифт остановился, в кабину вошли двое рабочих в синих комбинезонах. И тут же тесное пространство наполнилось едкой вонью – кто-то испортил воздух! У Кибби защемило в носу; парень в костюме обменялся с ним взглядами, затем кивнул на рабочих и соорудил брезгливую гримасу. На следующем этаже рабочие вышли. Парень воскликнул:

– Отвратительно! Фу!

Девушка засмеялась, толкнула его:

– Дэнни, прекрати!

– Я не шучу, Шеннон! Зачем свинячить в лифте? На каждом этаже есть туалеты.

Шеннон, думал Кибби, шагая по коридору. Ему не хватало смелости оглянуться и посмотреть, вышли ли они вместе с ним. Хотя... чего бояться? Здесь его никто не знает, и на сей раз он не будет забитым козлом отпущения, как в школе, или мальчиком на побегушках, заваривающим чай для старых ворчунов, как на прошлой работе. Он использует этот шанс, чтобы расправить плечи, повзрослеть и завоевать авторитет!

Вдохнув полной грудью, Кибби решительно обернулся – и оказался лицом к лицу с Дэнни и обворожительной Шеннон.

– Извините, гм... Мне нужен отдел санитарно-эпидемиологического контроля. У меня назначена встреча с мистером Робертом Фоем.

– Вы, должно быть, Брайан? – улыбнулась девушка по имени Шеннон.

Ее спутник Дэнни тоже улыбнулся:

– Айда с нами!

Вот так, знай наших! Только на порог – и уже подружился с классными людьми!

5

Компенсация

Безжалостный будильник долбил отбойным молотком, выпихивая Дэнни Скиннера из одного ада в другой. Скиннер на ощупь хлопнул по кнопке, но голове еще какое-то время терзал фантомный треск. Лихорадочные мучительные кошмары разлетелись, однако сменившая их реальность была не менее мучительна: серое стылое утро понедельника. Рассветные тени ползали по комнате, сознание постепенно прояснялось. В груди лопнул панический пузырь – инстинктивно вытянутая нога коснулась холодной простыни на другой половине кровати.

Только не это.

Кей не вернулась, не ночевала. На выходные она, как правило, оставалась у него. Может, они с подружкой Келли решили выпить, повеселиться? Две девушки, две танцовщицы... огни большого города... Скиннеру понравилась мысль. Но тут его ноздри содрогнулись от кислой вони: в углу красовалась лужа рвоты. Слава богу, ограничилось деревянным полом, не задело восточный ковер, расшитый позициями из Камасутры, за который в антикварном магазине в «Грассмаркете» пришлось выложить половину месячного жалованья.

Скиннер включил радио, перетерпел нудную болтовню жизнерадостного диджея, дождался знакомой мелодии. На душе слегка посветлело. Он привстал и с отчаянием потерпевшего кораблекрушение матроса оглядел беспорядок: одежда, разбросанная по полу и повисшая на спинке кровати; пустая бутылка из-под пива; переполненная пепельница... Гнусный натюрморт был подсвечен жиденьким утренним солнцем, бьющим сквозь изношенные занавески. Сквозняк сотрясал оконную раму, свистал во все щели, обжигая обнаженное тело.

Вчера опять нажрался. И позавчера... Все выходные! Неудивительно, что Кей сбегала домой. Блядский Скиннер! Гребаное ничтожество, фантом безвольный... Веду себя как последний идиот.

Он подумал, что раньше не боялся холода. А теперь чертов сквозняк выдувает из него остатки жизни. Мне ведь двадцать три года, размышлял он с тревожным похмельным отчаянием, массируя виски, чтобы отогнать невралгию, – она казалась ему предвестницей ураганной аневризмы, в любой момент готовой переправить его в мир иной.

Холодная блядская страна. Холодная и мрачная. Мне никогда не жить в Австралии или в Калифорнии... Лучше уже не будет.

Скиннер часто думал об отце, которого не знал. Представлял его где-нибудь в тепле, в уюте обетованной земли, называемой Новым Светом. Воображение рисовало поджарого красавца с легкой сединой в окружении бронзовокожих домочадцев – веселых, светловолосых, которые примут блудного сына с улыбкой, наполнят смыслом его жизнь.

Можно ли скучать по тому, чего никогда не имел?

Прошлой зимой у Скиннера было туго с деньгами, он старался особо не пить, сидел дома. Начал слушать Леонарда Коэна, штудировал Шопенгауэра, читал скандинавских поэтов, которые, похоже, все до единого страдали тяжелой клинической депрессией из-за затяжных зимних ночей. Сигбьёрн Обстфельдер, норвежский модернист конца девятнадцатого века, полюбился Скиннеру больше других; в памяти намертво засели декадентские гробовые строки.

Днем он весел – смеется, поет.

Сеет смерть всю ночь напролет.

Сеет смерть.

Иногда ему казалось, что на лицах завсегдатаев литских баров лежит печать зловещего процесса: каждая кружка, каждая стопка подпитывает иллюзию бессмертия – и приближает старуху с косой.

Но как сладка эта иллюзия!

Скиннер вспомнил вчерашнее: он потащил Кей в бар – утром, в воскресенье. А ей хотелось побыть дома, понежиться в его объятиях, посмотреть телевизор.

Но у него шел третий день, требовалось убить похмелье, и он чуть не силком выволок Кей за дверь – вверх по пешеходной улице, к «Робби», где поправляли здоровье местные хроники. И Кей покорно сидела на высоком стульчике: единственная женщина в баре, улыбающаяся, терпеливая, под восхищенными или равнодушными взглядами этих удивительных и ужасных людей, которые только и делали, что пили, пили, пили и пили. Некоторые из них, казалось, никогда не видели живых женщин; другие, наоборот, перевидали слишком много. Кей не тяготило красноглазое общество: рядом сидел парень, которого она любила, и обстановка не имела значения. Но приобщиться к хроникам она тоже не могла – надо думать о танцах, следить за фигурой. Ты не понимаешь, твердила Кей, мне надо держать форму. Ерунда, малыш, отвечал он, ты в отличной форме!

С каждым глотком Скиннер становился все напористее и педантичнее. Он наседа на своего приятеля Гэри Трейнора, тощего стриженного пройдоху с обманчиво грубым лицом.

– У нас что, нет нормальных фанатов?! Нормальной бригады? Сколько бойцов мы можем собрать?

Трейнор не отвечал, прятался за камуфляжной ухмылкой, потягивал пиво. Раскачанный громила Алекс Шевлэйн, с маленькой, похожей на торпеду головой, покосился в зеркало, поиграл бицепсом, поднес бутылку к губам.

– Прошлый раз собрались. И что? Эти пидоры не пришли! Только время потеряли.

– Ты задолбал уже с этой темой. Расслабься! – Трейнор от души шлепнул Алекса по широкой спине. – Хочешь в суд подать за моральный урон? Типа испортили выходные? – Он захохотал, кивнул в сторону хорошо одетого парнишки, что сидел у бара в одиночестве. – Вон обратись к Десси Кингхорну!

Скиннер развернулся и посмотрел на Кингхорна; тот ответил жестким пронзительным взглядом. Скиннер встал и направился к нему. Лицо Трейнора расплылось в радостном предвкушении.

– Как жизнь, дружище? – приветствовал Скиннер.

Кингхорн оглядел его с ног до головы, оценил пиджак «Акваскутум», новые кроссовки «Найк». Хмуро покивал:

– Нормально... Обновочки?

Три года прошло, подумал Скиннер, а он все желчью исходит.

– Ага. Выпьешь со мной?

– Мне пора. – Кингхорн прикончил пиво и направился к выходу.

Скиннер обменялся взглядами с Трейнором, тот надул губы и закатил глаза. Алекс Шевлэйн продемонстрировал акулий оскал, гармонирующий с полосатым спортивным костюмом. Скиннер демонстративно развел руками. Кей внимательно наблюдала за этой пантомимой, пытаясь понять, почему странный зазнайка отказался выпить с ее парнем.

– Кто это был, Дэнни?

– Э, старый знакомый. Десси Кингхорн. – Заметив, что столь короткий ответ не удовлетворил никого из присутствующих, и в первую очередь Кей, Скиннер пояснил: – Помнишь, я рассказывал, меня машина сбила? За год до нашей встречи. Несколько переломов: нога, рука, два ребра. Трещина на черепе.

– Да... – поморщилась Кей.

Ей было неприятно думать о серьезных травмах вообще, а тем более применительно к Дэнни. Скоро ее должны были пробовать на новую роль. Разве можно танцевать после таких страшных переломов? Сколько надо времени, чтобы восстановиться? Даже сейчас ей порой казалось, что возлюбленный прихрамывает – должно быть, из-за той аварии.

– Я, понятно, подал в суд, – рассказывал Скиннер. – А Десси работал в страховой конторе. Помог мне бумаги оформить, фотографа нашел.

– Чтобы заснять травмы, – кивнула Кей.

– Ну да. Короче, я получил пятнадцать штук. С одной стороны, приятно. А с другой – шесть месяцев без работы, в больнице, на растяжках... – Скиннер пожал плечами. – В общем, деньги пришли, я предложил ему пятьсот. Конечно, я был благодарен за помощь, все такое. Но знаешь, после аварии каждая собака приставала: иди в суд, проси компенсацию! Я просто выбрал страховую фирму, где сидел Десси. Подогнал этому мудаку дело, чтоб он денег заработал. Правильно я понимаю? И что ты думаешь? Этот козел отказался! Забери себе, говорит. Залез в залупу и не хочет вылезать! – Скиннер отхлебнул пива, словно запивая проглоченную горечь. – Мало того, везде развонял, что ему причитается половина! – Он обвел глазами Кей, Трейнора с Шевлэйном, других посетителей. – Я к нему подошел в «Макперсоне». Половину хочешь, говорю? Не вопрос! Только сначала я тебе сломаю ногу, руку, два ребра. Череп проломлю бейсбольной битой. И тогда получишь половину. Так этот хрен чуть не обдристался! Подумал, что я ему угрожаю. Угрожаю! – Скиннер ткнул себя пальцем в грудь, зрачки расширились от ярости. – Я. Этому гондону. Размечтался! Я просто объяснил доходчиво, вот и все!

Кей осторожно кивнула:

– Ужасно, когда друзей теряют из-за денег.

Трейнор подмигнул ей, хлопнул Скиннера по плечу:

– Любовь и деньги. Вот из-за чего теряют друзей! Да, мужики? – Он громко загоготал.

Два посетителя, сидевшие за столиком у стены, повернули головы. С ними был еще мальчик в зеленой кепке с эмблемой пива «Карлсберг». На их столе грудились стопки и пивные кружки; мальчишка потягивал кока-колу. Скиннер смерил мужчин холодным взглядом, они отвернулись.

Сахар превращается в спирт.

Кей заметила злобу в глазах возлюбленного и все поняла. Этот парень, Десси, испортил ему настроение. Она подалась вперед, жарко шепнула ему в ухо:

– Пойдем домой, залезем вместе в ванну.

– Ты за кого меня принимаешь?! Я только пью как рыба. Залезем в ванну, говорит! – Скиннер подмигнул друзьям, призывая их в свидетели.

Но алкоголь сыграл злую шутку, исказил интонацию: то, что должно было прозвучать остроумной фривольной шуткой, превратилось в злобную подначку, и Кей решила, что он хочет порисоваться перед друзьями, показать, кто тут главный. Унижение ножом повернулось у нее в груди. Она встала – и сделала последнюю попытку:

– Дэнни, давай уйдем...

Скиннер сквозь пьяный туман почувствовал неладное, пробурчал примирительно:

– Ты иди, я догоню. Только вот допью. – Он приподнял полупустую кружку.

Кей развернулась на каблуках и покинула бар. Ну вот, думала она, шагая вниз по улице, утро потратила впустую. А могла бы пойти в зал, поупражняться на балетном станке, настроить душу и тело на предстоящие пробы.

– Бабы! – фыркнул Скиннер.

Некоторые из посетителей согласно кивнули; другие – таких было большинство – просто улыбнулись. Здешняя публика почти целиком состояла из местных хулиганов, всплывших на гребне очередной волны футбольного фанатизма. Они уважали Скиннера и Маккензи, жадно слушали их байки о старых временах и похождениях ветеранов Си-си-эс, легендарного общества шотландских фанатов. Сейчас им не терпелось узнать подробности о недавнем приключении в Западном Лотиане с участием таких значимых фигур, как Демпси и Гарет, да и Скиннеру не терпелось рассказать про драку, но до сих пор мешало присутствие Кей. К тому же он хотел тайком от нее забрать у Трейнора новый порнофильм, «Второе искушение Христа».

Скиннер планировал ограничиться одной кружкой, а потом вернуться домой, однако в дверях появился Маккензи, и последовали новые байки, новые кружки. Еще по одной – очень правильная мысль.

Пока не наступит утро.

Когда рядом не окажется Кей.

Скиннер медленно поднялся, принял душ. Он по природе, как ни парадоксально, был чрезвычайно опрятен и брезглив: чуть не ежедневно прибирал в квартире, соблюдал гигиену, наводил порядок – только для того, чтобы с безнадежной и нелогичной регулярностью сводить все на нет. Он оглядел царящий разгром – и грязно выругался при виде свежепрожатой в диване дыры. Можно было, конечно, перевернуть подушку, но на другой стороне имелась еще более радикальная дыра, оставленная тлеющим шариком гашиша.

Диван, прожатый сигаретой. Просто замечательно! Хороший повод, чтобы бросить курить. Еще лучший повод, чтобы не пускать в квартиру разных мудаков, от которых воняет дымом.

Пульт от телевизора был покрыт коричневой пленкой засохшего пива, кнопки залипли, оживить его удалось только после нескольких шлепков и тычков. На экране появился ведущий утренней программы. Скиннер взглянул на будильник, вздохнул и принялся влезать в одежду. И в предстоящий день. Повязав галстук, он глянул в зеркало и подумал, что еще одну неделю, пожалуй, проживет.

Рожка как у водевильного злодея. Еще усики добавить – получится вылитый Дик Дастардли из мультфильма.

Дэнни Скиннер, несмотря на юный возраст, пользовался уважением на работе – прежде всего за острый язык. Его побаивались даже ветераны и начальники, на своей шкуре испытывавшие ядовитый эффект Скиннерова сарказма. Кроме того, Дэнни хорошо знал свое дело, был умен, общителен и в целом симпатичен. Но в последнее время он начал замечать, что отношение к нему изменилось: старшие товарищи не одобряли пьянства и вспышек похмельной грубости.

Все они продажные козлы, не лучше Фоя.

Скиннер сел на шестнадцатый автобус и вышел на восточной окраине города. На Кокберн-стрит он встретил симпатичную сослуживицу Шеннон Макдауэлл. Поздоровавшись, они через черный ход вошли в «Сити чамберс» и поехали на лифте на пятый этаж. Шеннон была единственной из коллег, с кем Дэнни мог общаться нормально, не ограничиваясь дежурными репликами и порой окунаясь в легкий флирт. Сегодня он только глазами захлопал – так чопорно она выглядела: длинная коричневая юбка, желтая блузка, строгая светло-коричневая кофта, заколка в волосах. Единственным, что намекало на ее праздничную ипостась – жизнерадостную, разбитную, обожающую ночные клубы, – была широченная хулиганская ухмылка.

– Как жизнь, Дэнни? Выходные грамотно провел?

– Надо полагать. Раз ничего не помню. А ты?

– Да класс! Ходили с Кевином в «Джой», – похвасталась Шеннон. – Обалденно!

– Поздравляю. Шалила?

Шеннон опасливо огляделась, понизила голос, убрала с лица прядь волос:

– Всего одну таблеточку. А драйва – на целую ночь.

Ага, вправляй, одну таблеточку, мысленно усмехнулся Скиннер. И подумал, покосившись на Шеннон: вот бы кому вправить... Нет, ерунда. Он никогда не изменит Кей, и потом, у Шеннон есть Кевин, напыщенный мандюк с дурацкой прической. Нет, он никогда не изменит Кей... хотя не помешало бы оттрахать Шеннон до потери памяти, просто назло этому педикуну Кевину.

Скиннеру стало стыдно от таких мыслей. Он даже покраснел.

Шеннон классная девчонка, мы с ней друзья. Нельзя так думать про друзей! Это все гребаный алкоголь: мозг покрывается похабной скользкой пленкой. А если добавить кокаин, да еще в больших количествах, да еще регулярно, – вообще в животное превратишься. Надо держать себя в...

Скиннер вспомнил, как они с Кей пришли однажды в ночной клуб в западном Эдинбурге и встретили там Шеннон и Кевина. Могли бы вчетвером классно провести время, но Кевин и Скиннер почему-то сразу друг другу не понравились, как, впрочем, и девушки. Конечно, снаружи все выглядело пристойно, однако взаимная антипатия была налицо.

Разные типы женщин, размышлял Скиннер. Кей была последним ребенком в семье, оба брата намного старше. Маленькая избалованная принцесса. Шеннон, наоборот, еще училась в школе, когда умерла ее мать, а отец после этого пошел вразнос, и ей пришлось практически в одиночку воспитывать младших брата и сестренку. Скиннер изучал ее женственный профиль, целеустремленные волевые глаза... Шеннон заметила восхищенный взгляд и улыбнулась – обезоруживающе, как солнышко сквозь тучи.

На первом этаже в лифт заскочил нервный тощий парнишка в ширпотребном костюме. Его движения были так неуклюжи, что Скиннер почувствовал жалость и улыбнулся – практически одновременно с Шеннон.

У Скиннера в животе штормило после вчерашнего пива и острой приправы карри; он натужился и почти беззвучно, как Джульетта, вздыхающая от любви, выпустил газы – как раз в тот момент, когда в кабину зашли рабочие в комбинезонах. Растеклась убийственная, режущая вонь. Лифт тащился медленно, все молча страдали. Рабочие вышли на следующем этаже, и Скиннер воспользовался случаем, чтобы перевести стрелки:

– Отвратительно! Фу!

Он знал, что, когда речь идет о пердеже, каждый превращается в консервативного присяжного: на мужчину подозрение падает прежде, чем на женщину, а на пролетария – прежде, чем на чиновника. Таковы правила игры.

Дэнни Скиннер и Шеннон Макдауэлл шли по коридору, тощий парнишка шагал впереди. Перед дверью офиса он обернулся и спросил, как найти мистера Фоя. Боже, какой заморыш, думал Скиннер, разглядывая шуплую фигуру. Кожа да кости. Спереди посмотришь – как катком переехали, а сбоку – спичечный человечек с перезрелой головой. Открытое веснушчатое лицо, светло-каштановые волосы.

– Айда с нами, – улыбнулся Скиннер, открывая дверь.

Нового парнишку звали Брайан Кибби. Они привели его в офис, угостили кофе, познакомили со всеми. Фой еще не пришел.

– Мы экскурсию проводить не будем, – сказала Шеннон. – Это прерогатива Боба, у него целая процедура для новичков. Как выходные провел?

Кибби принялся с энтузиазмом рассказывать. Скиннер слушал вполуха: с похмелья его тянуло в сон. На столе лежал журнал «Гейм информер», который Брайан достал из сумки. Скиннер лениво перевернул несколько страниц. Он не увлекался видеоиграми, в отличие от Гэри Трейнора, который это дело любил и даже иногда усаживал Дэнни пострелять на пару. Мелькнуло знакомое название – «Полночный клуб – 3», версия автожурнала «Даб». Гэри что-то такое упоминал...

– Знаешь эту игру? – спросил Скиннер.

– О, потрясающая вещь! – Голос Кибби завибрировал на высоких тонах. – Ни в одной другой игре так не чувствуешь скорости. И прелесть даже не в гонках, а в подготовке машины, когда сидишь в гараже, прокачиваешь свое сокровище...

– Слушай, класс! Это я тоже люблю. В гараж с порножурнальчиком – и давай сокровище прокачивать!

– Д-да ну... – Щеки Кибби вспыхнули. – Я не это имел...

– Дэнни так шутит, Брайан, – вмешалась Шеннон. – Он у нас типа офисный клоун.

Брайан вздохнул и продолжил нудный рассказ. Когда он, поддавшись на уговоры Шеннон, открыл коробку и гордо продемонстрировал игрушечный паровоз, Скиннер почувствовал, что скука сменяется вялым презрением. Из сумки Брайана торчала бейсболка с эмблемой «Манчестер Юнайтед».

– Болеешь за «Манчестер Ю»? – поинтересовался Скиннер.

– Я, вообще-то, футболом не увлекаюсь, но «Манчестер Юнайтед» – это знаменитая команда, самая популярная в мире, на них всегда посмотреть интересно, – пропищал Брайан.

Ему вспомнились каникулы на курорте Скегнесс. Они с отцом смотрели финал Кубка чемпионов в гостинице, и Кит Кибби купил эту бейсболку. А потом заболел и передал ее сыну. Своеобразный талисман.

О боже, подумал Скиннер, пускай Шеннон с ним разговаривает.

Он извинился, отошел к своему рабочему месту и плюхнулся на стул возле окна.

Ну и работа, кругом одни зануды! Всю башку прогундели – про свои огороды, заборы, клюшки для гольфа... Сейчас еще эта старая набожная залупа Айткен припрется... И новенький, видно, из той же породы, зануда, каких мало.

Скиннер вдруг осознал, что втайне надеялся обрести в новом сотруднике свежего собутыльника. Как же, размечтался!.. Он с отвращением взглянул на Кибби.

Вот же ж, бля, ангелочек! И голосок писклявый.

Большие верблюжьи глаза новенького сияли чистым энтузиазмом, но Скиннеру показалось, что сквозь сияние проступает нечто ползучее, расчетливое – намек на червоточинку в нимбе Кибби.

Дверь открылась, вошли Айткен и де Муар – оба промокшие, с бумажными кофейными стаканами. Скиннер наблюдал, как они сердечно здоровались с новичком: похоже, никто не собирался замечать, что у занудного пискуна двойное дно.

За этим зайцем надо присматривать.

По подоконнику забарабанил тяжелый град. Окна, несмотря на солидный размер, лишь в редкие полуденные часы пропускали достаточно света – мешали высотные дома на противоположной стороне знаменитой улицы Роял-Майл, узкой, но оживленной транспортной артерии, ведущей к зданию дворца, в котором раньше сидели короли, а сейчас разместился музей с открытой планировкой.

Скиннер встал, чтобы полюбоваться на бегущих пешеходов. Мокрый толстяк в почерневшем от дождя костюме укрылся от града в неглубокой нише и беспомощно поглядывал вверх, выжидая просвета. Когда он наконец решился сделать рывок через дорогу и приблизился настолько, что стали видны черты его лица, Скиннер с удовольствием узнал Боба Фоя.

Злорадно улыбаясь, Скиннер опустился на неудобный стул – подлокотники ему по рангу не полагались. На столе красовалась декоративная пивная кружка с черно-белой эмблемой клуба «Ноттс Каунти», приспособленная под карандашницу. Его словно молнией прошила острая дразнящая фантазия: в кружке вместо карандашей – ледяное пиво. Янтарное, освежающее...

Всего одну кружечку, чтобы запустить мотор! Большого я не прошу.

Скиннер с тоской подумал, что придется терпеть до обеда, когда у потенциального собутыльника Дуги Винчестера появится сходное желание. Тихоня Винчестер, засевающий на своем чердаке в крошечном кабинете, похожем на чулан для веников, – бездельник на зарплате, пьяница и паразит.

Еще один засохший сорняк, который надо вырубить с корнем – если, конечно, найдется решительная рука, готовая помахать топором. А она найдется рано или поздно!

Скиннер представил Винчестера, как наяву: пепельное лицо, исчезающе короткая шея, мертвые глаза-утопленники, жидкие волосы, налипшие на плешь, – все дышит тем жалким и

нелепым тщеславием, на какое способен лишь патологически унылый старый пердун. Вспомнилась их невеселая беседа в баре – в пятницу после работы. «Когда приходит старость, секс уже по барабану, – рассуждал Винчестер, а Скиннер смотрел на его лоснящийся пиджак и думал: что верно, то верно. – Конечно, сама идея еще привлекает, – продолжал Винчестер, – но процедура слишком хлопотная: надо суетиться, потеть... Одно дело подрочить в охотку или чтобы шлюшка отсосала по-быстрому – это пожалуйста. Но ублажать какую-то бабищу, думать, как ей сделать приятное... нет, чересчур сложно. Моя вторая жена – вот была ненасытная корова! У меня вся жопа была исцарапана, в паху растяжение, на ляжках гематомы... Не, ну его нахер! Не для меня».

Ерзая на жестком стуле, Скиннер пытался вспомнить, сколько раз они с Кей переспали за прошлые выходные. Пожалуй, только один: поспешный перепихон в субботу утром, чтобы снять похмелье, без всяких нежностей... И еще, кажется, в воскресенье ночью, но это вообще как в тумане.

Ей бы в любовники спортсмена, а не пьянь.

Скиннер выпрямился – в офис, потирая озябшие руки, вошел Фой. При виде Кибби его избитое градом лицо расплавилось в покровительственной улыбке. Он зацепил новенького под локоток и увлек по лестнице вверх, в свой кабинет.

Еще один гребаный андроид, готовый Фою задницу вылизывать. Очередной мудила в галерее уродов, пляшущих под дудку жирного хряка де Фретэ!

6

Маленькая Франция

Прошлой ночью выпал снег. На улицах появились уборочные машины, хотя пользы от них не было – все быстро раскисло в жидкую кашу. Такая погода всегда наводит на мысли о фермерах: каково им работать? Если судить по «Харвест Мун»⁹ – страшное дело! Пашешь в любую погоду, не замечаешь, как день проходит. А с утра все по новой. Не терплю, когда по телевизору фермеров показывают: стоит такой лентяй, оглядывает просторы. Или пиво в баре потягивает. Я однажды отцу сказал, что у них на это нет времени! И он согласился. От такой жизни многие просто умерли бы. Вот мы, городские неженки, радоваться должны, что работаем в теплых офисах.

Нет, в такую погоду лучше дома сидеть. А мы едем в отцовской машине по окружной дороге. Я за рулем. Направляемся к новой больнице в Маленькой Франции. Молчим. Тишина угнетает маму, она говорит что-то про снег на холмах в Пентландсе. Кэролайн на заднем сиденье уткнулась в книгу, будто не слышит. Но мама не сдаётся:

– Интересно, будет ли еще сегодня снег? Похоже, тучи опять собираются... – Она косится на меня. – Извини, сынок. Ты за рулем, не буду отвлекать. А вот Кэролайн могла бы и поддерживать разговор!

Сестра гневно отдувается, шлепает книгу на колени.

– Нам этот текст в институте задали, мам! Я и так не успеваю. Хочешь, чтобы меня отчислили?

– Ну что ты... Нет, конечно.

Голос у матери виноватый, она знает: отцу приятно, что Кэролайн хорошо учится.

По идее, к Рождеству на ферме становится легче; прежде так и было. Но теперь все по-другому.

Надо тщательно подумать, на ком жениться. Тут поспешность не нужна. Я сократил список до пяти кандидатур:

Энн

Карен

Маффи

Элли

Цилия

Энн нежна и надежна, но мне больше нравится Карен, потому что у нее мирный характер. Маффи тоже ничего, однако что-то в ней сквозит нехорошее. Таких женщин отец называет темными лошадками... Элли, конечно, чертовски хороша! Да и Цилию не хочется отвергать, хотя... если уж кого и вычеркивать, то в первую очередь ее.

Я паркую машину на открытой стоянке. Мы с мамой прячемся под зонтик: дождь поливает в полную силу. Кэролайн тоже поместилась бы, если бы захотела. Но она лишь нахлобучивает красный капюшон, съеживается и решительно шагает через бетонный плац, обхватив себя руками, – прямоиком к матерчатому козырьку над подъездом.

Когда мы заходим в палату, я начинаю нервничать. Осторожно приближаюсь к отцовской койке. Вижу его фигуру... и жуткая волна вздымается снизу вверх, словно проникнув через линолеум, через подошвы ботинок, так что я едва не падаю в обморок. Глубокий вдох. Я набираюсь смелости, поднимаю глаза, смотрю на его изможденное лицо. Внутри все напряглось, словно повисла тяжелая гиря. Как ни трудно, а надо признать: отец здорово сдал, ему уже

⁹ *Harvest Moon GB* – видеоигра для приставки «Геймбой», выпущенная японской компанией *Victor Interactive Software* в 1997 г.

недолго осталось. Кожа да кости, смотреть страшно. А мы до сих пор себя обманывали – я, мама, Кэролайн. Говорили друг другу, что он поправится...

Вид умирающего отца настолько страшен и нелеп, что я не сразу замечаю стоящего у кровати незнакомца. Здоровенный, зверского вида мужик, хотя отец всегда учил не судить по внешности, и правильно делал. Стоит молча, даже не здороваются. И отец его нам не представляет. Мы тоже молчим. Наконец человек кивает и быстро выходит из палаты. Наверное, ему неловко: помешал семье.

– Кто это был, пап? – спрашивает Кэролайн.

Я вижу, что мама тоже волнуется, – мужчина ей явно незнаком.

– Один старый друг, – хрипло шепчет отец.

– Наверно, твой приятель с работы? – сюсюкает мать. – Кто-то из депо, да, Кит?

– Из депо... – как эхо повторяет отец, но думает, похоже, о другом.

– Ну вот видишь, из депо, – успокаивается мать.

– Как его зовут, пап? – Кэролайн хмурит брови.

Отец молчит – и выглядит, кажется, смущенно.

Мать вмешивается:

– Не утомляй папу, Кэролайн! – Она берет его за руку. – Ты устал, да?

Все это очень странно. У отца мало друзей, семья всегда на первом месте. А вообще, конечно, хорошо, что товарищ его навестил.

Я начинаю рассказывать о работе, стараясь, чтобы голос звучал бодро, стараясь убедить отца, что у меня все отлично... ну как бы на прощание. Но это очень тяжело. Хотя с работой действительно порядок, мне нравятся новые сослуживцы – почти все. Бобу Фою, правда, лучше под горячую руку не попадаться.

Единственный, с кем я не могу найти общий язык, – это Дэнни Скиннер. Забавно и непонятно: поначалу он был дружелюбен, улыбался, со всеми меня познакомил. Потом начались какие-то саркастические шуточки... Наверное, из-за того, что я подружился с Шеннон, а она ему, похоже, нравится. Я слышал, правда, что у него есть подруга, но бывают такие ухари – им наплевать, к каждой девчонке липнут. Парни типа Дэвида Бэкхема, о них все газеты пишут. Девушки дают интервью, рассказывают, что спали с ним, когда его жена была беременна... Вообще-то, я люблю Бэкхема. Надеюсь, все это неправда, просто девушки хотят денег заработать.

А может, я тоже нравлюсь Шеннон? Вряд ли, конечно: она на полтора года старше. Впрочем, это еще ничего не значит. Она со мной приветлива, так что всякое возможно.

Я смотрю на Кэролайн: лицо окаменело, глаза как сжатые пружинки. Понятно, нам всем тяжело, но она должна стараться улыбаться – ради отца или хотя бы ради мамы... Боюсь, она связалась с дурной компанией. Начала за здоровье, поступила в Эдинбургский университет, но недавно я видел ее на улице в компании Анжелы Хендерсон, продавщицы из булочной. Эта Анжела – как раз из тех девчонок, что подают в суд на парней типа Дэвида Бэкхема из-за денег. Я не допущу, чтобы она утащила за собой Кэролайн!

Дыхание у отца учащенное, поверхностное; он сумбурно рассказывает о железной дороге, смысла не уловить. Ничего странного после всех препаратов, которыми его накачали, тем не менее мать переживает. Отец бубнит, в глазах досада, желание поймать ускользающую мысль.

Подозвав меня ближе, он стискивает мою руку с неожиданной для больного человека силой:

– Не повторяй моих ошибок, сын...

Мать, услышав его слова, начинает плакать:

– Какие ошибки, Кит! Ты не делал никаких ошибок! – Она поворачивается к Кэролайн. – О чем он говорит?

Отец не отпускает мою руку.

– Будь честен, сын... – хрипит он. – Но главное... будь верен сам себе¹⁰.

– Да, папа.

Я сажусь на кровать; отец разжимает хватку, проваливается в полудрему. Заходит медсестра, говорит, что ему надо отдохнуть. Но я боюсь его покидать. Мне кажется, если я уйду, то живым его уже не увижу.

Сестра настаивает: не волнуйтесь, он просто устал, должен поспать. Ну, им виднее.

На обратном пути мы храним мертвое молчание.

Войдя в дом, я первым делом поднимаюсь наверх и дергаю палку, прикрепленную к чердачному люку. Опускается алюминиевая лестнка. С возрастом я понял, что отца раздражают мои частые визиты на чердак. Всякий раз, слышав скрип алюминиевых ступенек, он огорчался, хотя виду не показывал, только головой качал. Я от этого словно в размере уменьшался – как в школьном дворе, когда Макгриллен и его банда ко мне приставали. Но здесь, на чердаке, я их не боялся... Они меня ненавидели, потому что я был другим: не знал, что ответить, не увлекался футболом и рок-музыкой, отвергал наркотики, боялся девчонок... которые были хуже мальчишек! Особенно Сьюзен Холкроу, Диони Маккиннес и Анжела Хендерсон – все одного пошиба! Я этих прошмандовок за версту чую. Чуть не умер, когда увидел Кэролайн в компании с проклятой Анжелой Хендерсон! Я знаю, девчонки не виноваты, все дело в семьях, которые их воспитали. Моя сестра не такая!

Но ничего, здесь, рядом с городом, который построили мы с отцом, я в безопасности. Защищен от всего, даже от родительского недовольства – с тех пор как папе стало трудно взбираться наверх. Чердак – моя вселенная, мое убежище, и сейчас он нужен мне как никогда.

¹⁰ Обращенные к Лаэрту слова Полония (У. Шекспир. Гамлет. Акт I, сц. 3. Перев. М. Лозинского).

7

Рождество

Дни выродились в узкие полоски света, безжалостно зажатые между морями темноты. Снег почти не шел, но на земле лежала изморозь, и ночь налетала так стремительно, что воздух не успевал прогреться.

Сегодня в офисе отмечали Рождество, и Брайан пребывал в приподнятом настроении. Отец провел ночь относительно спокойно и держался бодрее, чем во время предыдущих визитов. Его сознание прояснилось. Со светлой улыбкой он извинился за прошлый раз и заявил, что у него лучшая семья в мире.

Брайан вновь обрел надежду. Может, отец еще поправится, станет сильным, как раньше? Конечно, не стоит унывать! Надо и самому быть сильным, особенно в обществе таких, как Дэнни Скиннер, глаза которого последнее время светились плохо завуалированной враждебностью, словно он рассмотрел в Кибби нечто порочащее.

Мы же с ним едва знакомы. Он совсем не знает, что я за человек! Надо показать ему, что я такой же классный парень, как остальные, ничем не хуже его. И в музыке разбираюсь, и вообще.

На гребне энтузиазма Кибби фланировал по офису, вихляя худыми бедрами. Проходя мимо стола Шеннон Макдауэлл, он ловко обогнул угол и небрежно кивнул. И заработал снисходительную улыбку.

Пум-пу-рум! – его губы шевелились, вышлепывая бравурную мелодию, имитируя барабаны и литавры. Скиннер наблюдал за ним, сидя у окна. Вишь, напевает, ничтожество, думал он, корчась от яростного презрения.

Кибби почувствовал жгучий взгляд, повернулся и выдавил вялую улыбочку, разбившуюся о холодный сдержанный кивок.

Что я ему сделал?

Скиннер сидел и думал то же самое. В чем дело, откуда такая ненависть к новенькому?

Почему Кибби меня раздражает? Наверное, потому, что он маменькин сынок, готовый любому жопу лизать, только бы пролезть наверх.

Жопа... какое классное слово! Гораздо выразительнее, чем задница. Что такое задница? Просто часть тела, на которой мы сидим. Но жопа – в этом слове есть нечто сексуальное, американское... Когда-нибудь я съезжу в Америку.

У Кей такая потрясная жопа! Упругая – и в то же время мягкая. Кто пальцами не раздвигал столь упоительных ягодич, тот, считай, и не жил.

Похмельная эрекция ударила копьём, болезненно вспучив брюки. Скиннер сморщился, согнулся – но тут в офис вошел Фой, начались разговоры о Рождестве, и стояк, слава богу, отпустил так же быстро, как и налетел.

Они приехали в ресторан «Сиро» на нескольких такси. Едва усевшись за стол, Фой тут же узурпировал миссию по выбору вина. Не считая парочки недовольных покашливаний, никто не возражал: подчиненные знали своего шефа и потакали его прихотям. В офисе шутили, что выбор начальника безупречен: карту вин он знает как свои пять пальцев, об этом позаботились благодарные владельцы ресторанов, которым он сделал поблажку при инспекции.

Развалившись на стуле, Фой разглядывал карту вин. Его губы капризно кривились, как у киношного римского императора, который никак не может решить, нравится ему бой гладиаторов или нет.

– Я полагаю, закажем пару бутылок «Каберне Совиньон», – изрек он наконец. – Красное калифорнийское – вещь надежная.

Айткен кивнул через силу, как деревянный; Макги – по-щенячьи преданно. Остальные остались неподвижны. Повисла неловкая тишина, которую разорвал резкий голос Дэнни Скинера:

– А я против!

Стол облетел беззвучный вздох. Лицо Фоя медленно побагровело от ярости и смущения; он чуть не задохнулся, глядя в лицо дерзкому молокососу.

В моем отделе без году неделя! Первый раз его позвали на общий обед, засранца этого, – и что он себе позволяет?!

Взяв себя в руки, Фой сложил губы в добрую дядюшкину улыбку.

– Понимаешь... э-э... Дэнни, – он решил назвать Скинера по имени, – у нас есть маленькая традиция. Во время рождественского обеда вино выбирает начальник отдела.

Сверкнув искусственными зубами, Фой смахнул несуществующую крошку с рукава твидового пиджака. Эта «традиция» была изобретена и насаждалась им самим, однако присутствующие не перечили и молча опускали глаза под змеиным взглядом начальника.

Дэнни Скинер, однако, не стушевался, а, напротив, почувствовал себя в родной стихии.

– Что ж, справедливо... э-э... Боб, – начал он, пародируя царственную манеру Фоя. – Но сейчас, как я понимаю, мы не на работе, без чинов. И поскольку все платят поровну, каждый должен иметь право голоса. Я, конечно, преклоняюсь перед вашими познаниями в винах, однако загвоздка в том, что красное мне не нравится. Я его вообще не употребляю! Пью только белое. Вот такие пироги. – Дэнни сделал паузу, полюбовался на начальника, которого, казалось, вот-вот хватит удар, и закончил, одарив коллег холодной ухмылкой: – И хрен вы дождетесь, чтобы я платил свои деньги за чужое красное вино, а сам сидел как дурак с пустым бокалом.

Брови присутствующих изогнулись в унисон, зашелестели вздохи, раздалась дипломатичные покашливания. Боб Фой запаниковал. Ему впервые отважились так открыто бросить вызов. Хуже того, Скинер славился способностями к пародии, и сейчас, глядя в его нахальное лицо, Фой, как в зеркале, узнавал свои неприглядные черты. Он забарабанил пальцами по скатерти и повысил голос до скрипучего визга:

– Ха, отлично, давайте голосовать! Кто против «Каберне»?!

Никто не откликнулся.

Макги хмуро качал головой, Айткен брезгливо кривился, де Муар изучал рождественский сухарик. Шеннон делала вид, что интересуется усевшимися за соседний стол людьми – судя по всему, членами шотландского парламента. Скинер поднял очи горе, высмеивая малодушие коллег. Фой прикрыл один глаз, наполнил легкие воздухом и приготовился говорить.

И тут раздался тихий сиплый голосок:

– Я... мм... согласен с Дэнни... Мы же платим поровну? – Брайан Кибби практически шептал, его глаза увлажнились. – Все должно быть по справедливости.

– Я тоже от белого не откажусь, – поддержала Шеннон, заглядывая шефу в лицо. – Давайте возьмем две белого и две красного? А там поглядим.

Не обращая внимания на Шеннон и Скинера, Фой медленно повернулся к Кибби и окатил его ядовитым взглядом.

– Да боже мой, делайте что хотите! – пропел он сладким голосом, расплывшись в жуткой ослепительной улыбке.

А потом поднялся, шмякнул ладонями по столу – и ушел в туалет, где с наслаждением выворотил из стены коробку с бумажными полотенцами.

ЭТОТ ГОНДОН СКИННЕР И ПОЛЗУЧАЯ МАЛЕНЬКАЯ ДРЯНЬ КИББИ!

Фой выудил из кучи на полу бумажное полотенце, намочил его и протер загривок. Вернувшись к сидящим как на иголках подчиненным, он сделал вид, что не замечает двух бутылок белого вина.

Кибби чуть не до инфаркта испугался вспышки начальника.

Что я такого сделал? Ничего себе Боб Фой!.. Я думал, он нормальный дядька. Надо постараться снова попасть в его белый список.

Фой и раньше не жаловал Дэнни, а сегодняшняя выходка лишь усугубила неприязнь. В разговорах со своим начальником Джоном Купером он никогда не упускал случая попенять на нерадивость инспектора Скиннера; теперь жалобы придется участить.

Будучи неисправимым и беззаветным членом братства сластолюбцев, я с молодых ногтей понял, что единственным удовольствием, в остроте не уступающим акту любви, является добрая трапеза. У истинного сластолюбца есть две арены, два ристалища, на которых он служит своей музе и оттачивает мастерство: кухня и постель. Обе стези требуют от него абсолютной преданности и высочайшего артистизма, ибо кулинария, как и любовная игра, – это прежде всего терпение, чувство ритма и природное умение ориентироваться по ходу дела...

Дэнни Скиннер отшвырнул опус де Фретэ «Альковные секреты шеф-поваров». Более претенциозной чуши он в жизни не читал, однако содержащиеся в книге рецепты выглядели аппетитно и по-хорошему питательно, их стоило попробовать, тем более что он твердо решил начать здоровый образ жизни.

С такими мыслями Скиннер пришел на кухню, чтобы приготовить завтрак для Кей. Однако в завершающей фазе процесса, отскребая от сковородки пригоревшую глазунью и порвав один из желтков, он понял, что природу не обманешь и результат его кулинарных усилий годится лишь для борьбы с похмельем, а отнюдь не для прелюдии к любовной игре. Скиннер разбросал яичницу по холодным тарелкам, где уже стыли, напустив парафиноподобные лужи жира, жареные колбаски, помидоры и ветчина. От одного только запаха животного сала поры Скиннера судорожно съежились. Кей все еще спала, мирно посапывая, по-своему избывая гораздо более скромную версию бодуна. Скиннер о такой роскоши мог только мечтать: его похмельный сон, как и положено, был чуток и недолог.

Утро сочельника выдалось холодным и на удивление солнечным. Завтра они с Кей намеревались пойти к матери Скиннера на рождественский ужин, и от этой мысли портилось настроение: Беверли неплохо относилась к Кей, однако семейные торжества всегда чреваты проблемами.

Зато сегодня на стадионе «Истер-роуд» любимый «Хиберниан» играл с «Рейнджерс», и после матча вполне могла возникнуть заварушка. А не возникнет, так можно и помочь...

Судя по звукам, доносившимся сначала из спальни, а потом из ванной, Кей наконец проснулась. Приготовленный завтрак ее буквально потряс; усевшись на высокий стул в уголке тесной галльской кухни, она принялась намазывать маслом тосты, недоумевая, зачем он дал им остыть. Грызть холодные тосты – все равно что жевать толченное стекло.

– Я не могу есть эту пакость, Дэнни! Ты же знаешь, я танцовщица. Нельзя питаться ветчиной и жирными колбасами, если хочешь получить роль в мюзикле «Кошки».

Скиннер пожал плечами, добавил масла на холодный хлеб.

– Да что ты нашла в этом Ллойде Уэббере?

– Это моя работа! – прошипела Кей, злобно глядя в ему в лицо своими прозрачными глазами. Проснувшись в дурном настроении, она не могла смириться с мыслью, что любимый собрался на футбол. – Завтра Рождество, Дэнни! Можешь идти на игру, пожалуйста, но, если вернешься пьяным, я к твоей матери завтра не пойду.

– Сегодня гребаный сочельник, Кей! Человек имеет право отдохнуть перед Рождеством!

Скиннер возмущенно надул щеки, в груди колыхнулось похмельное раздражение.

Сверкая ледышками глаз, Кей отдала должное кулинарным потугам любимого: символически проткнула желток корочкой хлеба.

– В этом все дело, Дэнни. Ты каждый день – так или иначе – имеешь право.

– Я не понял, какие проблемы?! – взорвался Скиннер. – Не хочешь к моей матери – иди к своей!

– Пфф, действительно!

Надеясь, что он блефует, Кей резко встала, пошла в спальню, начала швырять вещи в сумку. Скиннер почувствовал в горле ком и усилием воли проглотил его, словно ломтик кровяной колбасы. Лишь когда хлопнула входная дверь, он подумал, что надо догнать, извиниться... Ледяная «Стелла Артуа» из холодильника остудила порыв. Для очистки совести он набрал номер ее мобильного – и услышал автоответчик. На столе каменел невостребованный завтрак. Скиннер вздохнул и вывалил его в мусорное ведро.

Он решил, что перезвонит позже, когда Кей успокоится и поймет, что вела себя как взыскательная корова. А покамест – можно еще пивка. Скиннер достал из холодильника вторую «Стеллу» и набрал номер Роба Маккензи:

– Роберто, дружище! Где сбор?

Игру транслировали в прямом эфире, и этот факт вкупе с летающими в воздухе праздничными флюидами снизил накал фанатизма по обе стороны баррикады. Бригада провела вялый рейд по барам Толкросса, надеясь, что кто-нибудь из бойцов «Рейнджера» зайдет поглазеть на стриптиз. Увы, нашли только группу вислощек алкашей, горланявших то сектантские гимны, то песни Тины Тернер. От скуки намылив шеи нескольким мирным жителям, бригада двинулась обратно в Лит, на игру. Через двадцать минут после начала матча Скиннер, Маккензи и еще парочка хроников почувствовали томление и вернулись в бар, служивший им базой, чтобы за кружкой пива подождать остальных.

В баре Скиннер ни с того ни с сего закурил. По идее, он бросил две недели назад, но сейчас машинально взял сигарету и успел сделать две затяжки, прежде чем осознал, что происходит.

– А, сука! – ругнулся он с досадой.

Пиво между тем скользило как по маслу – он гордился, что не отстает от Роба Маккензи. Чуть позже подтянулись Гэри Трейнор и его новый дружок, здоровяк Энди Макгриллен, которого Скиннер смутно помнил по детской драке, оставившей неприятный осадок. Гэри предложил сменить бар, пойти в город. Следовало бы звякнуть Кей, однако алкоголь с кокаином ударили в мозг, исказили восприятие времени, спрессовали часы в компактные пятнадцатиминутные блоки.

– Какой твой любимый мультипликационный персонаж из теневых? – интересовался Трейнор, поглаживая бритый череп.

Скиннер задумался: в голову ничего не приходило. Он пожал плечами.

– Я люблю маленькую уточку из «Тома и Джерри», – признался Маккензи.

Трейнор и Скиннер переглянулись, изумившись неожиданной сентиментальности Малютки Роба. Осторожный Макгриллен, во избежание неприятностей, сохранял невозмутимость. Чтобы невзначай не засмеяться, Трейнор поспешил развить тему:

– Да ну, чушь! Пила из «Сумасшедших гонок» гораздо круче.

– Какая еще Пила? – Маккензи недоверчиво нахмурился. – Что-то я не помню никакой Пилы в «Сумасшедших гонках».

– О том и речь! Ты не помнишь, потому что она теневой персонаж. Это подружка Чурбана Руфуса. У нее деревянная машина, вместо колес циркулярные пилы. Ты прикинь: каждая собака знает Дика Дастардли, Матли, Пенелопу Питстоп, Питера Перфекта, профессора Пата Пендинга и Муравьиную Банду. Но никто не помнит Чурбана Руфуса и Пилу.

– Слушай, точно! – воскликнул Маккензи. – Чурбан Руфус – это такой здоровенный лесоруб, а Пила – это мандавошка типа белочки.

– Какая, блядь, белочка! – Трейнор покачал головой. – Пила не белочка, а бобриха. Скиннер, подтверди!

– Угу, самая лучшая из рисованных американских бобрих, – осклабился Скиннер. – На втором месте после Памелы Андерсон.

Потом они вышли из бара, и Макгриллен толкнул какого-то мужика: мгновенно вспыхнула драка, закружился вихрь ударов. Трейнор и Маккензи, конечно, бросились в гущу, но Скиннер остался в стороне и наблюдал, как трое его приятелей мочат пятерых. Помощь им не требовалась. Да он и не собирался вступать. Еще чего, за Макгриллена заступаться!

Позже пришлось лепить маловразумительные оправдания: якобы он в дверях сцепился с шестым и т. п. По осуждающему молчанию, однако, было ясно, что его малодушие не осталось незамеченным. Один такой момент может стоить репутации, думал Скиннер со стыдом. Почему же он не вмешался? Конечно, драку начал Макгриллен, которого он с детства не любил. И все же...

У меня в голове сразу завертелось: Кей, работа, мать, Рождество... Вся моя гребаная жизнь – что, если я ее потеряю? Тыфу... Ведь мы для того и деремся! Бунтуем, чтобы не потонуть в бытовом болоте, чтобы серая суета не захлестнула наши мозги. Какого же черта я стоял?!

Кей дома не оказалось. Почти всю ночь Скиннер просидел на диване, потягивая пиво; потом незаметно погрузился в тревожный сон – но скоро проснулся по нужде и перебрался на кровать. Казалось, не прошло и пятнадцати минут, но, когда он открыл глаза, было уже утро. Тело ломило и зудело: он давеча не удосужился раздеться. Телефон Кей по-прежнему не отвечал. Скиннер послал ей эсэмэску, чертыхаясь и путаясь в кнопках:

К, позвони мне. Д.

Он принял душ, оделся и вышел из дому – сначала по Дюк-стрит, потом свернул на Джанкшн.

– С Рождеством, сынок! – окликнула седая старушка, которую он обогнал.

Скиннер узнал ее: миссис Каррутерс, соседка матери. Он чувствовал себя как зомби в микроволновке и тем не менее бравадно ответил:

– И вас тоже, красавица!

Скиннер подошел к подъезду матери – и в дверях столкнулся со страховым агентом Басби, пожилым отвратительным прохвостом.

Подлейшее существо с расхлябанной походкой и тошнотворной улыбочкой. Что он делал в доме матери? В подъезде шесть квартир, но я-то знаю, из какой он вышел, старый хорек! Какого черта ему нужно?

Угнездившись на диване в маленькой уютной гостиной матери, Скиннер думал, что презирает Басби по причинам, не поддающимся четкой формулировке. Беверли внесла две тарелки, нагруженные индейкой, зеленью и разнообразными гарнирами. Столик тоже был украшен ради особого случая. Со смеху умереть.

Мать тщательно готовилась к визиту Кей и теперь, конечно, была на взводе. Она шваркнула тарелки на стол – мелькнули распухшие руки, розовые пальцы, похожие на сардельки... Беверли до сорока лет оставалась щуплой женщиной, а потом ее здорово разнесло – вследствие ранней гистерэктомии, как она утверждала. Скиннер, впрочем, был уверен, что виноваты бесчисленные пиццы и жирные ужины перед телевизором: мать всегда заказывала еду, полагая, что кулинарить для себя одной бессмысленно.

Время, потраченное на уборку и на приготовление индейки; новое парадное платье, черное, как обычно, но тем не менее... все впустую: Кей не пришла. Напряжение звенело в душном воздухе. Мать прекрасно знала, кто виноват, объяснять было бесполезно.

Она вернулась на кухню, чтобы выключить духовку. По пути указала на кота:

– Не пускай Кискиса на диван. Линяет.

Как только хозяйка удалилась, голубой перс поднялся, выгнув спину и мягко прыгнул на диван. Перешагнув ноги Скиннера, он развернулся и повторил маневр. Скиннер достал из кармана зажигалку и подпалил зверю брюхо. Раздался треск, запахло жженым мехом, кот

мявкнул и отлетел в угол. Привстав, Скиннер повалил свечку. По столу растеклась лужица воска.

Бeverли показалась в дверях с тарелкой брюссельской капусты, ее нос подозрительно морщился.

– Что это было?

– Дурацкий кот свечку свалил. – Скиннер указал на столик.

– Ах, Кискис, негодник, как ты мог?! – воскликнула Бeverли, ставя тарелку.

Мать и сын проделали дежурный ритуал: разломил по рождественскому крекеру, извлекли бумажные короны и напялили на головы. Нелепость действия и дурацкий вид головных уборов несколько разрядили обстановку, сняли копившееся с утра напряжение. Скиннер вяло ковырялся в тарелке, вполглаза следя за похождениями телевизионного Джеймса Бонда и готовясь к неизбежной трепке.

Мать начала спокойно, как обычно.

– Ишь, перегаром-то... – заметила она, выгнув бровь. – Неудивительно, что девушка сбежала.

– Ничего не сбежала, – выдал Скиннер заранее приготовленную отмазку. – Я же говорю – у нее мать заболела. Рождественский ужин приготовить некому. Она сейчас дома помогает. И вообще, ей нельзя обжираться. Даже на праздники. Диета, важные пробы... э-э... «Отверженные». А перегар – это после вчерашнего. Сегодня я только кружку пива. Праздник же, мам, Рождество! Я весь год пахал как лошадь.

Бeverли гневно сверкнула глазами:

– Да тебе что праздники, что будни – один черт... Опять выходные псу под хвост!

Скиннер промолчал: если мать решила выпустить пар, то ее уже не остановишь.

– Девушку только пожалеть! – продолжала она. – Кто ж ее упрекнет, что не захотела отмечать Рождество с алкоголиком!

Скиннер ухмыльнулся, чувствуя в груди огненный мячик ярости:

– А я и не ропщу. Семейная традиция.

Мать ответила ледяным взглядом, от которого заныло в затылке. Скиннер тут же пожалел о своих словах. Это все похмелье виновато. Он терпеть не мог приходить сюда с бодуна. Когда тебя колбасит после вчерашнего, невозможно общаться с трезвыми людьми, они кажутся представителями иной, враждебной расы, inferнальными хищниками, выгрызающими тебе душу. Они чуют запах твоей слабости, твоего пота, видят в тебе чужака. А мать пуще остальных. Ее и в хорошие-то минуты лучше не цеплять...

– Это в каком же смысле – традиция? – Бeverли подбоченилась, ее слова ввинчивались в череп, как стальные шурупы.

Скиннер понимал, что надо притормозить, пойти на попятную, но непослушный язык гнул свое:

– А в таком, что мой отец тоже долго не вытерпел.

Лицо Бeverли побагровело, образовав контрастную цветовую пару с зеленой гофрированной короной. Казалось, ее попытки выровнять дыхание извели в комнате весь кислород.

– Я тебя сколько раз просила не упоминать при мне...

– Я имею право знать, в конце концов! – взорвался Скиннер. – Ты же знаешь, кто такая Кей? А почему я не знаю...

Бeverли оборвала его взглядом, исполненным брезгливого презрения.

– Хочешь знать, кто твой отец? – прошипела она, склонив голову набок.

Скиннер смотрел на искажившиеся черты матери и думал, что за все эти годы ее жалкая, истеричная, мучительная ненависть к отцу, кем бы тот ни был, не утихла ни на йоту. Более того, он чувствовал, что и сам может сделаться объектом подобной ненависти, если не оставит

попыток добиться правды. Ему захотелось сказать: ладно, забудем, извини, давай лучше ужинать, – но слова не шли с языка.

– Я! – Беверли яростно ткнула себя пальцем в грудь. – Я твой отец! Я тебя вырастила и выкормила, и на стадион с тобой ходила, и в мяч во дворе играла. И шарфик тебе вязала фанатский. И на родительских собраниях сидела краснела. И бизнес собственный подняла, перестригла весь Лит, каждой здешней старухе плешь пощупала – чтобы тебя одеть, обуть, выучить как следует, чтобы ты работу приличную нашел. И на каникулы тебя в Испанию возила каждый год. И из кутузки на Хай-стрит тебя выкупила, когда ты вляпался. Все одна, никто не помогал!

Скиннер скрипел зубами, в груди бурлили горькие слова. Но все, что говорила мать, было правдой. Он глядел на эту сильную, циничную, любящую, замечательную женщину, прожившую жизнь на алтарь его благополучия, и вспоминал детство, проведенное в этом доме, и своих суррогатных панк-тетушек Трину и Вэл, которые за ним присматривали, и уважали его, и общались с ним как с равным, хотя он был всего лишь ребенком. Правда, они пытались приобщить его к своей музыке, заставляли слушать *Rezillos*, *Skids*, *Bad Boys* – единственное, что он мог бы поставить им в упрек. Но это мелочи, а главное в другом: Беверли сделала все возможное, чтобы у ее сына условия были не хуже, а то и лучше, чем у детей из полных семей... Скиннер посмотрел на свою тарелку, на индейку, что приготовила ему мать, – и прикусил язык. И начал есть.

8

Праздники

Когда я только начал здесь работать, Дуги Винчестер дал мне добрый совет. Он сказал, что пьющему человеку не стоит брать отпуск между Рождеством и Новым годом, ибо в это время вся страна бухает, забыв служебные обязанности, и в офисе остаются одни алкаши, а примерные семьянины, то бишь начальники и прочие козлы, не одобряющие пьянства на рабочем месте, сидят по домам, и алкаши, таким образом, получают карт-бланш на безнаказанное нажиралово.

В воздухе дрожит предпраздничное ожидание: забытое школьное чувство, что вот-вот должно произойти чудо. В детстве мы, помнится, ошивались в эти дни у матери в парикмахерской – я, Маккензи, Кингхорн, Трейнор – и действительно ждали чего-то волшебного. Никаких чудес, разумеется, не происходило, но память об упоительном предвкушении осталась до сих пор.

Я вхожу в офис, покачиваясь, опупев от вчерашней рождественской попойки; да, сейчас бы чудо не помешало! В глазах у меня круги, во рту как попугай посрал. Шеннон сидит где-то на собрании, а в обед собирается на праздничный сабантуйчик в управление жилищного строительства, но до обеда я вряд ли дотяну, нужно залить пару кружек в трубы прямо сейчас. В голове прыгают редкие раздерганные мысли: пиво! собутыльник! пиво! На месте ли Дуги Винчестер? А может, сходить к Маккензи – вдруг он сегодня работает? Одна помеха: чертов бобер Кибби сидит скрючившись за столом, шуршит бумагой. Никак доносы строчит Фою с Бекстером.

Верхние флуоресцентные светильники, слава богу, не горят, и Кибби похож на диккенсовского персонажа: один в пустой конторе, при настольной лампе, работает как заводной. Меня осеняет отличная идея. Взяв со стола папку с отчетами, я подхожу к этому бобру – и с удивлением замечаю, что он на грани истерики, в глазах чуть слезы не стоят. Я непринужденно присаживаюсь напротив:

– Ты в порядке, Брайан?

– Д-да, наверное, – мямлит он, разглаживая пробор.

– Решил поработать на праздники? – Я шурюсь на ослепительный настольный абажур.

– Да, отец болеет... отпуск еще пригодится. – Он морщит носик, должно быть почуяв перегар.

– Сочувствую, мужик, – бормочу я, откидываясь на спинку стула. Чертов червяк должен радоваться, что у него вообще есть отец!.. Ну ладно, ближе к делу. – Слушай, Брай, я вот что подумал. Я на следующей неделе в отпуске. А проверку моих отчетов поручили тебе, так?

Кибби кивает с задумчивой покорностью. Ядвигаю ему под нос папку:

– Давай вместе по ним пройдемся. Ты ведь по-куриному не разумеешь.

Он хлопает глазами. Я хлопаю воображаемыми крыльями. И поясняю:

– Почерк у меня такой. Как у курицы.

– Да, хорошо, давай!

Кибби ерзает на стуле, от мерзкого голоса у меня мурашки по спине. И почему я этого слизняка так ненавижу?

– На самом деле все просто. – Я открываю папку и достаю первый отчет.

Кибби обнюхивает страницу, как ученая крыса. У него на носу до сих пор веснушки, как у дебила.

– А это что? – Он тычет пальцем в «Le Petit Jardin».

– Ресторан де Фретэ, – сообщаю я. – У него не кухня, а сраная помойка.

Востроглазый маленький грызун внимательно моргает. Когда он придет к де Фретэ с проверкой, тот ему горячую сковороду в жопу засунет. Устроит бедняге проверку на вшивость. Вряд ли у слизняка хватит духу перечить де Фретэ, хотя чувствуется в нем какая-то извращенная... совестливость, что ли?

– Он ведь типа... знаменитость? – Кибби страдальчески смотрит мне в глаза.

– Я понимаю, Брай. Но твой долг – честно все зафиксировать. Мы с тобой профессионалы, так? Служим народу, а не всяким чудо-поварам. И потом, последнее слово за Фоем. Ему решать.

– Если я напишу слишком критично, если черным по белому, в официальной бумаге...

Кибби блеет, как молочный ягненок. Могу поспорить, де Фретэ его насадит на шампур и зажарит в мятном соусе.

– Вот поэтому честность – наша лучшая стратегия. Допустим, какой-нибудь злосчастный лох пообедает в «Le Petit Jardin» и получит отравление, что весьма вероятно, учитывая состояние их кухни, а потом подаст в суд, раз уж мы живем в юридическую эру, – поучаю я, на ходу изобретая сценарий. – Власти наверняка захотят ознакомиться с результатами санинспекции. Если твой отчет разойдется с моим, то у следствия будет две версии: либо один из нас лжет (а мой отчет подписал Айткен), либо де Фретэ выиграл джекпот и потратил его на благоустройство кухни.

Я буквально слышу, как в голове у Кибби со скрипом поворачиваются шестеренки – медленно, но верно.

– Говорю тебе, Брай, у них там суповой котел – я чуть в штаны не наложил, когда заглянул. Думал, оттуда Несси всплывет. Подзываю поваренка, спрашиваю: что за дрянь? Французский суп, отвечает. Ага, говорю, с лягушками.

Кибби растягивает сомневающуюся физиономию в робкой улыбке. Даже тупейшие шутки до этого дебила не доходят. Я встаю, хлопаю себя папкой по заднице:

– Прикрой жопу, Брай, послушай старших! – Дружески подмигнув, бросаю папку на стол.

Кибби сидит как веником побитый. Есть в нем что-то этакое... Теперь мне его даже жалко. Взяв со стола номер «Гейм информер», я открываю наугад:

– Что скажешь насчет «Психонавтов»? Говорят, неплохая игрушка, не то что стрелялки для ботаников. Ни дурацких террористов, ни принцесс.

– Я в нее не играл, – отвечает Кибби с опаской, затем чуть-чуть открывается. – Мой друг Иэн ее недавно прошел. Говорит, клевая. Новая вещь, у нее в обзорах рейтинг восемь семьдесят пять.

– Ага, круто... – киваю я тоскливо. – Слушай, Брай, я сейчас в управление жилищного строительства, там у них пьянка намечается. Из наших будут Шеннон и де Муар. Ты как?

– Я не могу, – сопит он. – Надо еще кое-чего доделать, пару заведений проинспектировать.

Глупая ты мандавошка! Представляю, как тебе обрадуются в ресторанах в это время года!

Уже подойдя к своему столу и взявшись за телефон, чтобы позвонить Маккензи, я слышу за спиной дрожащий голос:

– Так ты думаешь, мне надо... по правде?.. Ну, с де Фретэ?

– Честность – лучшая политика! – ухмыляюсь я, падая на стул и снимая трубку. – Ты же знаешь это выражение: будь верен сам себе.

Брайан Кибби шаркал по улице Роял-Майл мимо мрачных домов, подпирающих низкое небо. Оброненные все слова о честности резонировали в его ушах, поднимая бурю, о которой Скиннер мог только мечтать.

Дэнни прав... Будь это даже лучший ресторан Британии и самый знаменитый повар мира – правила для всех одинаковые!

Мрачные тучи раздвинулись, вот-вот должно было показаться солнце. На террасе у «Le Petit Jardin» собралась внушительная толпа в строгих костюмах. Кибби сразу понял, что имеет дело с заведением высокого класса, свободным от традиционных штампов: рождественские декорации практически отсутствовали, только скромная елочка в углу напоминала о времени года. Он вошел в полутемный зал, отделанный красным деревом и магнолией; ноги уютно погрузились в роскошный ковер. Все дышало идеальной свежей стерильностью. Трудно было поверить, что на кухне процветает описанная Скиннером помойка. Во время работы младшим инспектором в Файфе Кибби усвоил житейское правило, впоследствии подтвержденное несколькими тренировочными проверками под надзором Фоя: если обеденный зал содержится в чистоте, то и кухня соответствует высочайшим гигиеническим стандартам.

Но из каждого правила бывают исключения.

Невозмутимый метрдотель при виде инспекторского удостоверения надул губы и кивнул в сторону вращающихся дверей. Кибби толкнул их – и оказался на кухне. Сердце его опустилось. Он приготовился, что будет жарко, однако волна душного пара чуть не сшибла его с ног. Первое, что он увидел в клубах горячего тумана, был сам де Фретэ, с царственной задумчивостью облокотившийся на стойку. Ноздри знаменитого повара трепетали, выхватывая ароматы жарящейся, варящейся и пекущейся пищи, мозг стрекотал, перебирая грандиозную картотеку хранящихся в памяти рецептов; у тучных ног копошилась коленопреклоненная девчушка в комбинезоне, перекладывая пакеты из картонного ящика на нижнюю полку.

Кибби услышал свист тяжелой одышки, хорошо знакомой по телепередачам, увидел надменную уверенность в темных глазах и каменной трещине узкого рта. В памяти вспыхнул и погас легкий блик узнавания: вальяжная поза, голос, брань, грубые шутки – все это уже было когда-то...

Он приблизился к толстому повару, дрожа как осиновый лист: даже поверхностный осмотр говорил о категорически плачевном состоянии кухни. Де Фретэ смерил его с ног до головы чутунным взглядом, начисто лишенным любви.

– А, новый парнишка из управы! Как поживает мой приятель Боб Фой?

– Х-хорошо, – пискнул Кибби, думая о вспыльчивости Фоя и вспоминая слова Скиннера... Но кухня де Фретэ действительно грязна! А грязная кухня – источник заразы. Правило номер один. Которое инспектор не может игнорировать.

Беспорядок же вокруг царил поистине вопиющий. Конечно, Скиннер в своем отчете слегка переусердствовал, однако пол и большинство горизонтальных поверхностей нуждались не просто в чистке, а в смене покрытия. Мало того, ящики и канистры с продуктами загораживали проход, пожарная дверь стояла нараспашку, а персонал был одет, мягко говоря, неподобающе. Да и сам де Фретэ был потен, небрит и растрепан, словно только что проснулся с бодуна.

Наверное, из-за праздников... И все же ресторан есть ресторан!

Де Фретэ приблизился, навис массивной тушей – он был настолько же выше и жирнее среднестатистического человека, насколько Кибби – ниже и тщедушнее.

– Значит, из управы? Я помню, у вас там симпатичная зайка... то есть, пардон, санитарный инспектор. Как же ее зовут?

В ноздрях у шеф-повара клубились черные волосы, дыхание давило горьким смрадом. Кибби потел и трясся, шею припекало, как на тропическом пляже.

– Шерон? Шеннон? – вспоминал де Фретэ. – Точно, Шеннон! Конфетка, а не девочка. Еще работает?

– Н-ну да, – прохрипел Кибби.

– Что-то ее больше не присылают. Жаль, жаль! У нее кто-нибудь есть? Не в курсе?

– Не знаю, – соврал Кибби, чуть не падая в обморок от близости исполинского повара.

Де Фретэ, похоже, пытался произвести впечатление жизнерадостного жуира, но его каплевидная клоунская фигура дышала лишь недоброй нахрапистостью. Кибби знал, что у Шен-

нон есть парень, однако не собирался рассказывать об этом посторонним, особенно грубому толстяку.

– Ну ладно, работай, не отвлекайся, – быстро сказал де Фретэ. – У нас тут как на курорте. ПРАВДА, РЕБЯТА?! – Он обернулся к двум грузчикам, стоящим без дела у тележки. – КОГО ЖДЕМ, А?!

Грузчики поспешно схватились за коробки, а Кибби отправился бродить между переполненными мусорными баками и грудями лежащих на проходе продуктов, старательно делая пометки в отчете. Жара была иссушающей, духовые шкафы ревели, как бухенвальдские печи. Сколько ни готовься, привыкнуть к этому невозможно – горнило ресторанной кухни в разгар обеденных часов потрясает даже издававших виды инспекторов. Работа здесь тяжелее, чем на каторге; фигурки в одинаковых комбинезонах снуют в раскаленном воздухе, как муравьи, орут друг на друга... Первые заказы уже поступили: шотландские парламентарии, ожидавшие снаружи, очевидно, уселись за стол.

Кибби вдруг почувствовал, как сильные пальцы ухватили его с шокирующей интимностью: де Фретэ приобнял юношу за талию и повлек, энергично вальсируя, по захлавленным проходам, мимо готовивших заказы поваров и спешащих с подносами официантов, подмигивая с напускной доброжелательностью и больно, до синяков, сжимая хрупкие ребра. Но Брайан Кибби даже в этой ситуации пытался исполнять свой долг и сквозь липкую вуаль унижения примечал нарушения и огрехи.

Будь верен сам себе.

9

Новый год

На вечеринке в управлении жилищного строительства я сваял дурака. Это была обычная корпоративная пьянка с болтовней об аренде и социальных программах, с разлитым морем спиртного, с блюющей по углам неопытной молодежью, с парочками, запирающимися в кладовках, чтобы торопливо сорвать запретный плод пьяной похоти, чреватый горьким послевкусием.

Я спяну разоткровенничался с Шеннон, распустил сопли. Она ответила тем же: я рассказывал про Кей, она про Кевина; наверное, у обоих накопилось. А тут еще какая-то нетрезвая дурочка подбежала, подняла у нас над головами венки из омелы – пришлось целоваться, и невинный рождественский чмок превратился в затяжные объятия и лобзания длиной в ночь: мы цеплялись друг за друга, как осиротевшие обезьяны детеныши, вокруг которых рушился мир, – по крайней мере, я чувствовал себя именно так, да и Шеннон, похоже, разделяла мои чувства.

На следующее утро я двинул напрямик в торговый центр «Сент-Джеймс» и купил в магазине у Сэмьюэла бриллиантовое обручальное кольцо. Без малого четыре сотни. Потом повез Кей на стадион «Тайнкасл» смотреть дерби, а оттуда к ее матери встречать Новый год. Эта часть прошла легко, я просто расслабился и наблюдал – а что еще делать? Кругом, куда ни глянь, фотографии Кей: малютка в балетной пачке, длинноногая девчонка в любительской постановке мюзикла «Парни и куколки», ряд застывших пируэтов – ее первая постоянная работа в экспериментальной труппе... Я следил за суетливым подбострастием тетюшек, дядюшек, бабушек и прочей родни, за беззаботным порханием Кей, принимавшей это внимание как должное, и думал, что все девчонки в школе, должно быть, тайно ненавидели ее – за гибкое сильное тело, за роскошные волосы и великолепные зубы, за бодрую открытую улыбку, за неизменный оптимизм – за все то, что я в ней любил, как любят дорогие неожиданные подарки.

И эта девушка станет моей женой.

В тот день я не сделал ей предложения. Мне хотелось, чтобы в момент, когда я стану на колени и протяну ей кольцо, мы были наедине, только я и она. И чтобы я был абсолютно, хрустально и продолжительно трезв.

А теперь все опять по-старому, обычная рабочая мясорубка. Никакого периода после-праздничной релаксации. Такое впечатление, что основная масса офисного скота просто не заметила Рождества и Нового года. Старый козел Айткен, я слышал, даже радовался вслух, что праздники наконец прошли и все вернулось в норму.

Норма.

Фой давеча зарядил мой отчет на перепроверку, надеясь, что Айткен или еще кто-нибудь из записных жополизов исправит ситуацию и мои разгромные замечания не перейдут на следующую ступень, не лягут на стол Куперу, этому лишенному чувства юмора чурбану. И вот толстяк вылетает из своего кабинета, рожа красная от ярости, – и мелкий скользкий червяк Кибби сейчас получит по самые гланды, причем на глазах всего народа – так сказать, в назидание. Отличный ход! А главная прелесть в том, что я типа ни при чем.

Фой подбегает к столу Кибби и швыряет отчет – шлеп! Бедный слизняк съезживается в комок, даже не дождавшись, пока начальник откроет рот.

– Это что за херня?! – ревет Фой. – Ты понимаешь, что это повторная проверка? Что результат отправляется наверх?! – Он яростно тычет пальцем в потолок.

– Но у него действительно грязная кухня, – лепечет жалкий хомяк Кибби, и грозный Фой – о наслаждение! – чуть не падает в обморок, пытаясь сообразить, как теперь уладить дело с

де Фретэ. Плакали жирные скидки в «Le Petit Jardin», плакали бронированные столики и особый сервис!

– Это тебе не дешевая харчевня в Киркалди, дуралей! – надрывается Фой, орошая Кибби слюной, заставляя его по-черепаши втянуть голову в воротник; слово «дуралей» в устах начальника звучит убийственнее самого страшного ругательства. – Это ресторан Алана де Фретэ!

Кибби поднимается, пытается собрать остатки отваги, но поджилки у него трясутся, щеки пышут румянцем, а в глазах стоят слезы. Фой подшагивает вплотную, как ястреб, пикирующий на цыпленка, – угадайте, кто здесь цыпленок, – и зловещим шепотом вопрошает:

– Телевизор дома есть?

Со мной явно что-то не так. Понятно ведь, что Фой – грубый и жестокий подонок, сорванный с катушек продажный психопат, любящий обижать слабых. Почему же я наслаждаюсь этой сценой?

– Ты его хоть иногда смотришь? – трагически продолжает начальник, и я буквально вижу призрачный лавровый венок у него за ушами.

– Д-д-д-да...

Фой понижает голос еще на октаву:

– Тогда ты не можешь не знать о передаче под названием «Секреты шеф-поваров». По центральному шотландскому каналу сразу после новостей, верно?

– Да...

– Значит, тебе знаком ведущий этой передачи Алан де Фретэ из ресторана «Le Petit Jardin», – рассудительно продолжает Фой.

– Да...

– И ты понимаешь, что это очень, очень, очень влиятельный человек... – совсем уже ласково заключает он, убаюкивая тупо кивающего Кибби, прежде чем взорваться ему в лицо яростным: – И НЕХЕР НА НЕГО НАЕЗЖАТЬ!!!

Бедный Кибби подпрыгивает и корчится. Его шуплая бледная жопа дрожит, как ручная медуза Элвиса Пресли. Он хрипит и кудахчет с жалкой беспомощностью:

– Но... но... но вы сказали... вы же сами сказали...

У меня внутри, должен признать, все переворачивается. Я чертовски зол – но не на Фоя, а на слизняка Кибби, который безропотно терпит это издевательство. Я мысленно шепчу: ну же, Кибби, где твои яйца? Постой за себя, что ты блеешь, как овца! Давай покажи ему!

– «Скязя-али»... – передразнивает Фой. – Что я сказал?!

Я чувствую, что у меня от возбуждения трясутся бока – от чистой и теперь уже несомненной ненависти к этому ничтожеству Кибби. Я страстно хочу, чтобы он страдал как можно сильнее. Боже, как же я его ненавижу! Фой, в сущности, просто клоун, глупый пустобрех. Но Кибби – в нем есть нечто скользкое, змеиное; конечно, он трус и недотепа, но в потемках его души, словно в компенсацию слабостей, обитает хитрая и расчетливая тварь. Господи, молю я, содрогаясь от омерзения, хоть бы Фой заставил его ползать и пресмыкаться на полу!

НЕНАВИЖУ НЕНАВИЖУ НЕНАВИЖУ НЕНАВИЖУ

Я уже не слышу их голосов. Вижу только лица: Кибби продолжает кукольно кивать, его глаза исполнены тупого ужаса; жирная рожа Фоя пышет огнем, как раскаленный шарик гашиша, – сейчас всосется, растворится в тучном тулове, одетом в твидовый пиджак...

Вот же психопат! Интересно, как далеко он зайдет?

Концерт прерывает лишь появление гондона Купера, большого босса, при виде которого Фой живенько берет себя в руки. Растрепанный Кибби ретируется в туалет – наверняка чтобы выплакать свои девичьи глазки. Я борюсь с соблазном последовать за ним и понаблюдать, как эта ничтожная вошь хнычет и пускает сопли. Бог с ним... Лучше остыть, попить кофе. Не могу объяснить, почему я на него так вызверился, почему смакую его унижение; в глубине души

мне чертовски стыдно: жалкое это занятие, запретное, хотя и жгуче приятное, – наслаждаться ненавистью к такому слизняку.

10

Секс и смерть

Новый год прошел, и в небе над Эдинбургом повисли черные зловещие тучи, похожие на ветхие мешки, забитые тяжелыми валунами. Старожилы отсиживались по домам, то и дело опасливо поглядывая наверх – как бы мешки не прохудились! Бесшабашная молодежь уже совершала быстрые набеги на ближайшие бары: послепраздничное похмелье миновало, проклюнулся оптимизм, а вместе с ним и желание нарушить новогодние зарок.

Единственным плачевным исключением из задорной вакханалии был Дэнни Скиннер, корпевший в офисе над отчетом, – с ватной головой, с пересохшим ртом, хмуро слушая восторженный писк Брайана Кибби, уже успевшего оправиться от недавней трепки. Кибби взахлеб рассказывал Шеннон Макдауэлл о своих похождениях.

– В эти выходные, – гундосил он девичьим голосом, – мы отправились в Гленши...

Шеннон благосклонно кивала, попивая кофе из кружки с логотипом *Pet Shop Boys*. Кто-нибудь другой, более сообразительный, давно бы уже догадался, что она слушает исключительно от скуки, но Кибби, будучи по уши влюблен, не вполне контролировал свои антенны. Его жизнь прыгала по темным ухабам – болезнь отца, трения в семье, – и единственными светлыми пятнами во мраке были Шеннон, видеоигры (прежде всего «Харвест Мун»), макет железной дороги и, конечно же, ребята из клуба «Заводные походники», особенно одна девчонка, почти как Шеннон...

– ...у нас целая команда, – кудахтал Кибби. – Кенни – он самый главный, председатель клуба, смешной и совершенно безбашенный; потом Джеральд – этот пытается не отставать, но мы... – Он скорчил соболезнующую гримасу. – В общем, мы его называем «тихоход». И наконец, Люси, которая...

Кибби так и не успел пропеть о главном предмете своего восторга: грубое вмешательство Дэнни Скиннера спутало ему ноты.

– Эти твои походы... э-э... Брайан, – начал он в прокурорской манере, позаимствованной у Фоя. – Эти прогулки на свежем воздухе. Там есть симпатичные девчонки?

Единственной целью Скиннера было вызвать у врага стыдливый румянец. И он этой цели добился. Шеннон закатила глаза, неразборчиво буркнула и погрузилась в бумаги.

– Да, с нами ходят де... девушки, – отвечал Брайан, косясь на Шеннон, которая раздраженно листала отчет.

– Шустренькие как пить дать! – постулировал Скиннер.

Кибби замешкался, опасаясь каким-то неясным и глубоко пошлым образом скомпрометировать чистую Люси.

– Ну... Я не знаю... нельзя так...

Скиннер поджал губы, и на его скулах, как показалось Кибби, выступили пятна зловещего нечеловеческого цвета.

– Но вдуть-то им можно?

Шеннон посмотрела сперва на Кибби, затем на Скиннера; в ее взгляде ясно читалась команда: «Свободны оба!» Скиннер в ответ протестующе развел руками.

– С нами ходят нормальные девчонки! – заявил Брайан чуть ли не агрессивно и даже почувствовал, что на миг обрел над противником моральное превосходство.

– Ты хоть одну трахнул? – с каменной серьезностью допрашивал Скиннер. – Отвечай, да или нет?

Кибби отвернулся с гримасой отвращения, неуклюже пытаясь спрятать позорную невинность под маской оскорбленной нравственности. Шеннон фыркнула, резко встала и удалилась к

стеллажам, покачивая головой. На выручку Скиннеру пришел Колин Макги, который ухмыльнулся и поднял брови, взяв на себя роль зрителя взамен Шеннон.

– В чем дело, Брай? – продолжал воодушевленный Скиннер. – Нормальный житейский вопрос, чего стесняться? Засадил ли ты хоть одной девчонке из своего клуба?

– Не твое дело!!! – выпалил Кибби и стремглав умчался в туалет, по пути едва не сбив возвращавшуюся на место Шеннон.

– Задел его за живое, – пожал плечами Скиннер.

Шеннон нахмурилась. Кибби был занудой, конечно, но в общем неплохим парнем, хотя и слишком наивным.

– Ну хватит тебе, Дэнни.

Скиннер в ответ сально подмигнул, и она, к своему неудовольствию, почувствовала медленный укол желания. Дурацкие пьяные ласки на вечеринке в управлении жилищного строительства! Ерунда из разряда ничего не значащих случайностей, о которых стараешься забыть, да не дают многозначительные взгляды из-под выгнутой брови. Скиннер тоже ощутил проскочившую искру, и ему сделалось стыдно. Он вел себя как полный идиот. Правда, отношения с Кей расклеились после его рождественских выходок, но он все равно ее любил. А вот у Кибби никого нет, подумал он со злорадством. И примирительно заключил:

– Да ладно, ничего такого, что парню двадцать один год, а он еще девственник. Всякое бывает.

Скиннер ни на минуту не оставлял Брайана Кибби в покое. Если в офисе его нападки носили характер псевдодружеских подначек, оттененных презрительным превосходством, то на курсах повышения квалификации в местном колледже, где они готовились получить сертификаты специалистов общественного здравоохранения, Скиннер пускался во все тяжкие. В неформальной обстановке, в окружении благодарных зрителей, он блистал и жалил без сожаления, всячески оскорбляя, унижая и притесняя робкого и некрасноречивого Кибби. Доходило до того, что в оживленных местах, например в столовой во время обеденного перерыва, Брайан боялся даже лишний раз рот открыть, чтобы ненароком не привлечь внимания своего мучителя. Остальные студенты либо охотно ассистировали, либо исполняли роли пассивных статистов: никто не хотел перейти Скиннеру дорогу и отведать его острого как бритва языка.

У Скиннера языка, однако, была и другая сторона, мягкая и обольстительная, к которой Кибби испытывал черную зависть, по накалу не уступающую его ужасу перед режущей стороной. Практически все женщины, служащие в управе, не говоря уже о студентках колледжа, в той или иной форме испытали на себе сладкие чары этого языка, ибо его обладатель считал своим долгом с каждой проходящей юбки содрать дань в виде улыбочки, кивка или флиртового замечания.

Чем больше времени Скиннер проводил в обществе Брайана Кибби, тем глубже и горячее становилась его брезгливая ненависть, пугающая и необъяснимая, и наконец дело зашло так далеко, что, казалось, терпению наступил предел; нарыв грозил прорваться в любую минуту. Однако тут произошло событие, взметнувшее жар страстей еще круче, до немыслимых ранее высот.

Обручальное кольцо, приготовленное для Кей Баллантайн, жгло Дэнни Скиннеру карман. Было холодное воскресное утро. С моря посвистывал свежий северный бриз, что не мешало горожанам оживленно сновать по улицам, исследуя соблазны январских распродаж.

– Хочешь, это... прогуляемся в парке? – предложил Скиннер своей подруге.

Они спустились по каменным ступеням мимо законсервированных на зиму цветочных часов. В холодном воздухе ухали басовые струны: на эстрадной площадке «Росс», похоже, что-то затевалось. Взвился и опал распеваящийся голос, пробежала стайка опрятных персонажей в чистых джинсах – все указывало на скорое начало религиозного рок-концерта.

– Пойдем посмотрим, – оживилась Кей.

– Да ну... – Скиннер кивнул в сторону лавочки. – Давай лучше присядем вот здесь.

– Не хочу сидеть, холодно! – возразила она, притопывая ногами и убирая с лица пряди волос.

– Ненадолго, на минуточку! Я тебе должен кое-что сказать.

Заинтригованная, Кей согласилась; они присели на лавочку. Скиннер посмотрел на нее с торжественной грустью:

– Ты знаешь, я был полным идиотом. И скотиной. На Рождество...

– Брось, Дэнни. Мы уже говорили об этом... Давай забудем, дело прошлое! А сейчас воскресенье, и можно...

– Ангел, пожалуйста, выслушай меня! – перебил Скиннер, доставая из кармана коробочку. – Я тебя люблю. Я хочу, чтоб ты всегда была со мной.

Он поддел крышку. Кей тихо вздохнула, увидев блеск бриллиантового кольца.

Скиннер соскользнул со скамейки и встал перед ней на одно колено:

– Будь моей женой, Кей! Ты согласна?

Кей Баллантайн была потрясена. Она уже привыкла к мысли, что Скиннеру с ней скучно, что он хочет расстаться и поэтому так сильно пьет.

– Дэнни... Я прямо не знаю, что сказать...

Скиннер одарил ее строгим взглядом: к счастью, такая реакция входила в число отрепетированных.

– Например, «да».

– Да! Ну конечно да!

Кей нагнулась и поцеловала его. А он надел кольцо ей на палец.

Брайан Кибби, надвинув на уши любимую бейсболку, прогуливался по улице Принцев в компании своего друга Иэна Бьюкена. Налетевший шквал сорвал с его головы дурацкий убор и утащил в парк, через живую изгородь.

– Моя бейсболка!

Кибби подпрыгнул и бросился в погоню: через ворота, вниз по мощенному булыжником склону. Беглая бейсболка сперва не показывалась на глаза, затем обнаружилась под одной из лавочек у подножия холма, прямо под ногами одиноко сидящей девушки в белом плаще. Брайан Кибби тихонько приблизился сзади, нагнулся, протянул руку... О боже! Сквозь ажурную спинку прямо ему в лицо таращился стоящий на коленях Дэнни Скиннер.

Практически столкнувшись носами, мужчины замерли. Повисла мучительная пауза. Наконец Кибби разлепил губы.

– П-привет, Дэнни, – произнес он тихо. – У меня вот... шапочка улетела.

Кей в изумлении повернулась. Кибби изо всех сил старался не думать о том, что Скиннер стоит на коленях перед пугающе красивой девушкой. Девушка была одета в белый кожаный плащ с меховой оторочкой, пушистую шапочку и меховые наушники. Ее курносый носик покраснел от холода, а огромные глаза широко распахнулись, словно в противовес зловеще сузившимся щелям Дэнни Скиннера, который продолжал с жалким упрямством делать вид, будто не замечает проклятого Кибби. Немая сцена окончилась лишь после того, как Кей толкнула любимого костяшками пальцев и указала на коллегу, который успел уже встать и ожесточенно мять в кулаке злополучную бейсболку.

– Здравствуй, Брайан, – произнес Скиннер деревянным голосом.

Кей встала. Ее жених тоже вынужден был подняться. Сложив ладошки домиком, Кей склонила голову и посмотрела на Скиннера с требовательной улыбкой, а затем повернулась к Кибби, который помимо воли любовался головокружительным блеском ее зубов и гордым полетом черных волос, выбившихся из-под шапочки.

Чувствуя, как слова застревают в гортани, Скиннер с грехом пополам процедил:

– Познакомься, это Брайан. Работает со мной в управе... – И совсем уж невнятно добавил: – А это Кей.

Кей одарила Кибби такой умопомрачительной улыбкой, что тот едва не рухнул в обморок.

Боже, как она прекрасна!.. И это девушка Скиннера! Они, наверное, друг друга любят... Почему лучшие девушки обязательно выбирают таких типов? Нет в мире справедливости... Зубы такие белые, и кожа как бархат, и волосы... Боже, какая красота!

– Как поживаешь, Брайан? – воскликнула Кей и кивнула подоспевшему Иэну, который скромно держался в стороне. Затем она поддела локтем Скиннера, яростно игравшего желваками, и умоляюще захлопала глазами: – Дэнни, я не могу удержаться! Я всему миру должна сказать!

Скиннер скрипел зубами, его бледное лицо было страшно. Кей на него не смотрела: вытянув руку, она продемонстрировала новым знакомым бриллиантовое кольцо – то самое, что он ей подарил несколько секунд назад в неповторимо интимной обстановке, в момент, который мог бы стать самым важным в его жизни, а вместо этого был безнадежно испорчен этим... этим...

Ах ты, сучий заглотишь! Подлюка мерзкая! Первый, кто узнал о моей гребаной помолвке... Ходячий гнойный аборт! На коленях меня застал... И еще какого-то педика притащил!

– А мне предложение сделали! – певуче хвасталась Кей; на заднем плане очень кстати гремел церковный хор.

Скиннер тоскливо повел глазами и натолкнулся на приятеля Кибби: оттопыренные уши, огромный кадык.

Еще один ублюдок.

Брайан Кибби ловил взбешенные взгляды Скиннера – и не мог не понимать, что нечаянно вторгся в очень деликатный ритуал из разряда особых, недоступных ему ситуаций, за которыми он мог лишь завистливо наблюдать со стороны. И за это вторжение ему придется дорого заплатить.

– Поздравляю от всей души, – сказал он как можно мягче, пытаясь одновременно подлизаться к Кей и вымолить снисхождение у свирепого врага.

Иэн тоже закивал как болванчик.

Скиннер в ответ выдавил нечто похожее на «хргхмммм...», словно давясь осколками разгрызенной ярости.

Первый, кто узнал! Первый!.. Самый важный, самый красивый момент в моей жизни... И этот чмошник – первый, кто узнал!

Они с Кей шли по аллее. Скиннер корчился от пережитого унижения, а она лишь подливали масла в огонь – своей радостью, единением со вселенной... Любуясь блестящим камешком на пальце, она рассеянно заметила:

– А он неплохой парень, да?

Скиннер обернулся и посмотрел на Кибби, который уходил в противоположную сторону, вверх по мощенному булыжником склону, придерживая дурацкую бейсболку.

Убью гниду.

Кей округлила глаза: она ожидала ответа. Скиннер промямлил что-то вроде: «Да парень как парень», и по ее изменившемуся взгляду понял, что она уловила в его голосе отзвуки тайной злой силы, доселе незнакомой, молчавшей даже в самые темные и пьяные минуты. И эту силу разбудил в нем Кибби... Пытаясь обуздать эмоции и взять ситуацию под контроль, Скиннер предложил отметить помолвку в баре на улице Роз.

Одним тостом дело, конечно, не ограничилось, и скоро Кей поняла, что ей уже хватит, но Скиннер только вошел во вкус; теперь уже настал ее черед брать ситуацию в свои руки. Она

стала говорить о планах на будущее, о том, в каком районе лучше жить. Не прошло и пяти минут, как она вдохновенно обставляла их воображаемый дом.

Скиннер поначалу снисходительно подыгрывал, но, когда речь зашла о детях, почувствовал знакомое раздражение. Во-первых, дети сулили безнадежное рабство, конец веселой жизни. Во-вторых – и это главное, – прежде чем принимать родительские обязанности, он должен был непременно узнать, кто его отец. Они начали спорить. У Кей в глазах блеснули слезы: она видела, как волшебство драгоценного дня растворяется в мутных потоках лагеря и «Джека Дэниэлса».

– Зачем обязательно столько пить? – горько недоумевала она. – Я знаю, твоя мать не такая! И отец не такой... Ведь не такой?

Скиннер ощутил во всем теле холодную боль, словно гигантское насекомое вцепилось острыми жвалами.

– Нет, конечно, – солгал он, ерзая от стыда. – Здоровяк, ни капли в рот не брал.

Поток злобных мыслей устремился в новое русло, к матери. У нее тоже не было братьев и сестер! И вообще никого, кроме единственного сына. Почему же она молчит? Держит на руках все козыри – и закрывает тему всякий раз, как встает вопрос об отце!

Разве я слишком многого требую? Он что, изнасиловал ее? Оказался педофилом? Что он ей сделал?

– Ну тогда... почему? – Кей вопросительно указала на пивную кружку.

Мать рассказывала, что ее отец, которого Скиннер почти не помнил, любил закладывать за воротник, пока не умер от инсульта.

– Мой дед был алкоголиком. – Скиннер пожал плечами. – Наверное, передалось через поколение.

Кей посмотрела на него, открыв рот:

– Боже, ушам своим не верю! Говоришь, словно гордишься.

– Знаешь, я так хотел бы встретиться с отцом, – с неожиданной тоской произнес Скиннер. И удивился своим словам не меньше, чем Кей. До сих пор он никому, кроме матери, в этом не признавался.

Кей убрала с глаз волосы, придвинулась вплотную, стиснула ему руку:

– Твоя мама о нем не рассказывает?

– Сначала шутила, что мой отец – Джо Страммер из *Clash*. – Скиннер горько усмехнулся. – У нее есть альбом с автографом, гребаная драгоценность... Меня даже в школе за это лупили: не ври типа, что твой отец из «клэшаков». – Он прищурился, смакуя воспоминание. – Затем были Билли Айдол, Жан-Жак Бернел, Дэйв Вэниан... каждый панк-рокер, что давал концерты в Глазго или в Эдинбурге. Дошло до того, что я штудировал рок-журналы, искал похожих на меня музыкантов. Ребенок, что возьмешь... А она просто пудрила мне мозги. Я даже по улицам ходил, заглядывал в лица незнакомым мужикам – особенно тем, что улыбались. Хорошо, на педофила не нарвался... А теперь она вообще замкнулась, ничего не говорит. – Скиннер поднял кружку, сделал большой глоток. – Где-то раз в три года я поднимаю тему, она устраивает истерику, мы ругаемся... вот и все.

Кей снова нервно поправила прическу, посмотрела на свой бокал. Решила, что не будет допивать.

– Твоя мать его здорово ненавидит.

– Это же нелепо! Так ненавидеть другого человека... – Скиннер осекся, вспомнив лицо Кибби, его верблюжьи глаза. – Я имею в виду – ненавидеть так долго, – пояснил он неуклюже.

А ведь я действительно ненавижу Кибби. Я ничем не лучше ее. Почему Кибби, что он мне сделал?

Если бы только Кибби испарился, уехал, перевелся назад в округ Файф! Если бы он исчез из моей жизни!

Стены, покрашенные в ярко-желтый цвет, небесно-голубые шторы на узких окнах... Домашний интерьер маленькой уютной палаты разбивался об алюминиевый блеск больничной койки. Из стены торчал кронштейн с шарниром, к нему крепился телевизор. Еще имелись два стула, тумбочка на колесиках и небольшая раковина в углу.

На кровати лежал Кит Кибби, обмякший, как спущенное колесо. Жизнь покидала его медленно и неуклонно. Из капельницы в бледную руку поступал физиологический раствор, и ритмичные бульки казались Киту тиканьем часов, отсчитывающих последние секунды. За окном торчали голые ветки – высохшие, как его рука. По весне они нальются новой силой, а он уже никогда... Прошное лето было удачным, подумал Кит сквозь наркотический туман. И повторил вслух, чтобы лишний раз удостовериться: «Хорошее лето...» Сразу нахлынула горькая обида, и он протестующе мотнул бритой головой: «А мне их отпущено всего сорок девять!»

Дежурная сестра Франческа Райан пришла, чтобы измерить больному пульс и давление. Она возилась с резиновой манжеткой, а он смотрел на черные волоски у нее над губой и с теплой грустью думал, что, если их удалить, девчонка будет очень даже ничего.

Электролиз. Раз – и нету. Ну, еще несколько фунтов сбросить. И получится не девочка, а загляденье.

Сестра Райан не чаяла, как поскорее выбраться из палаты Кибби. Ее пугала не его болезнь – к виду неизбежной смерти она давно привыкла, – а нечто цепкое и страшное, дыхание какой-то жадной силы. Ей больше по душе был Дейви Роджерс из соседней палаты, хотя он и дразнился, что она родилась в бандитском городе Лимерике: «Не пускайте девку в операционную, не давайте ей ножа! Она вам устроит кровавую баню!»

Старый Дейви был, конечно, еще тот охальник, зато весь на виду: что на уме, то и на языке. А Кит Кибби, казалось, замыслил страшные вещи, сверля ей взглядом спину.

У Франчески слегка отлегло на сердце, когда она увидела семью Кибби: жену и двоих детей. Они его, похоже, очень любили. Франческа не считала, что он достоин такой любви, но чего в жизни не бывает.

Она видела, как дочь наклонилась и поцеловала отца в лоб. Девчонка вроде бы училась в Эдинбургском университете, на факультете английского. Франческа с некоторой завистью присматривалась к ее простому миловидному лицу. Может, они встречались раньше – где-нибудь на дискотеке в университетском клубе? Кэролайн заметила, что медсестра на нее глядит, и ответила сухой улыбкой. Франческа Райан покраснела и поспешно покинула палату.

Кэролайн собиралась сегодня оторваться, пойти в ночной клуб в Тевиот-Роу. Там зажигал местный диджей. Однако сейчас, глядя на изможденное отцовское лицо, она была готова заплакать – и удержалась лишь потому, что заметила слезы на глазах матери.

Я не такая. Я сильнее.

Ее брат оставался внешне спокоен, только покусывал щеку – хорошо знакомая нервная реакция. Он склонился к отцу и начал говорить что-то вроде: «Когда ты отсюда выйдешь...» И вдруг тело больного выгнулось в сильнейшей судороге.

Семья Кибби дружно позвала на помощь. В палату вбежали сестры, Франческа Райан впереди всех. Их усилия, однако, были напрасны: Кит Кибби бился в припадке на глазах жены и детей. Расфокусировав глаза, он цеплялся за кровать с нечеловеческой силой, словно сражаясь за каждый дюйм покидающей его жизни, а семья тихо молилась, чтобы он сдался и оставил бrenную землю с миром. Для Кэролайн этот яростный приступ сделался воплощением неопи-сываемого ужаса смерти. Она думала, что отец уйдет постепенно, как гаснет свет при нажатии на установленные им по всему дому реостатные выключатели, но сейчас, когда он рычал и метался по кровати, ей чудилось, что это сама жизнь рычит и мечется, словно чужая непокор-ная сила, пытаясь вырваться из ветхого узилища больной плоти.

Время загустело, мгновения растянулись в часы, а отец все умирал в их объятиях, и Брайан прижимался к нему крепче остальных, словно закрывая своим телом бреши, через которые уходила душа... Когда все закончилось, семья Кибби почувствовала, что умерший Кит в процессе борьбы утащил в небытие часть их жизненной энергии. Прошло несколько секунд, прежде чем Брайан взмахнул длинными ресницами коровьих глаз и обнял мать и сестру.

Кэролайн сморщила нос: от матери пахло потом – густая омерзительная вонь, почти как трупный запах отца, и к этому примешивалась кисло-сладкая волна одеколона брата. По персиковым пушистым щекам Брайана бежали слезы.

– Покойся с миром, – произнес он.

Джойс посмотрела на него с тупым изумлением, как побитое животное. Он обнял ее крепче и повторил:

– Покойся с миром.

– ...с миром, – как эхо откликнулась Джойс.

– С миром, – подтвердил Брайан, глядя на Кэролайн.

Та кивнула и снова подумала о ночном клубе: идти или не идти? И тут раздался жуткий, тоненький, злобно-упрямый голосок – мать затынула псалом:

– Господь – пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим...

– Подкрепляет душу мою, направляет меня... – подхватил Брайан.

И Кэролайн поняла, что решение принято: никакая сила не заставит ее провести сегодняшний вечер в их компании.

11 Похороны

Этот старый алкаш в свое время был крутым мужиком. Всю округу в страхе держал. Я раз десять видел, как он учил хорошим манерам пьянчуг, слишком нагло разевавших рот. Да, он был весьма опасен, любил показать силу – особенно напоследок, так сказать, накануне менопаузы, когда уже гремели первые звонки возрастного износа. Кончилось тем, что он сцепился с крепким молодым парнишкой, который его сломал, и с тех пор у старика в глазах стоит прокисший желтый огонь – то ли отсвет наступившего в душе мира, то ли признак сгоревшей печени. Кажется, его зовут Сэмми.

Теперь Сэмми выродился в ничто, в источник слюнявого бормотания над ухом вечного собутыльника Басби. Эта старая неразлучная парочка все время ошивается здесь, в темном пивном подвальчике на Дюк-стрит. Но сегодня Басби не пришел – наверное, развлекает мою старушку по самые помидоры... Так что Сэмми сидит один-одинешенек: рабочая спецовка, руки-лопаты, дешевая шоколадка в кармане, разум, замутненный алкоголем. Однако задевать его не стоит, ибо последнее, что теряет старый боксер, – это нокаутирующий удар. Даже нет, удар – это предпоследнее, а последним уходит звук гонга, что раздается в пьяной голове в самые неожиданные минуты.

Я почему-то думаю об отце, каким я его всегда представлял: поджарый загорелый здоровяк с квадратной челюстью и благородной сединой, рядом с безукоризненно ухоженной, отменно сохранившейся супругой, во дворе собственного дома где-нибудь в Новом Южном Уэльсе или в пригородах южной Калифорнии... Глупости, конечно. Он, скорее всего, горький хроник – может, даже один из сидящих в этом баре. Поэтому, наверное, моя старушка так его ненавидит: постоянно, куда ни пойдет, натывается на его испитую харю. Он, должно быть, еще и деньги у нее канючит. А она всего лишь хочет уберечь меня от жестокого разочарования, потому что мой отец – если убрать пиво и сигареты – просто ничто, пустое место.

Говорят, скоро в барах нельзя будет курить. Тогда уж лучше сразу их поджечь, не дожидаясь, пока хозяева сами это сделают, чтобы получить страховку, потому что в некурящий бар ни один клиент носа не покажет. Сигаретный дым определяет самую сущность питейного заведения – от никотиновой копоти на стенах до хриплого, натужного кашля завсегдатаев. Сейчас, правда, завсегдатаев не так много: два беззубых алкаша, забивающие козла за столом, да старый боксер у стойки.

– Н-ну, – рычит он, – как жизнь?

Да, точно, его зовут Сэмми.

– Порядок, командир. Как сам?

Старик пожимает плечами – типа «разве не видно?». Я думаю в ответ: неужели так плохо? Ставлю ему пиво – старшим надо помогать. Даже если на кредитной карте долги. Раз имеешь работу, значит можешь позволить себе угостить человека. Он принимает подарок как должное, едва кивнув. Затем щурится, пытаясь сфокусировать мутный взгляд:

– Бев Скиннер, парикмахерша... Ты ее сын?

– Угу.

– Да уж, Скиннеры... Улица Теннант, старые добрые... Джимми Скиннер – это твой дед. По матери... А отец у тебя повар...

Я внутренне содрогаюсь. Заглядываю ему в глаза:

– Что?

Старик теперь настороже, думает, не сболтнул ли лишнего. Я уже слышал эти басни. Наша соседка миссис Брайсон, перед тем как окончательно выжить из ума, тоже говорила, что

мой отец повар. Я списывал это на старческий маразм. А Трина и Вэл молчали, как партизаны, мать их здорово подковала. Зато старый алкаш Сэмми – он, похоже, что-то знает.

– Твой батя, – повторяет он неуверенно. – Поваром работал, нет?

– Ты его знаешь?

Его зрачки бегают, как символы в окошках игрового автомата, в унисон с туманными воспоминаниями. Но джекпот мне не светит, потому что стреляный воробей Сэмми затаился, ушел в глухую защиту.

– Не-а. Спутал с другим.

– С кем же, интересно? – спрашиваю я вызывающе.

Старый хрен поднимает брови. В его глазах, уже давно, казалось бы, подернувшихся пеплом, медленно разгораются боевые угли.

– А ни с кем!

Я вижу, куда идет дело, и поспешно приканчиваю пиво. Не хватало еще махаться с пьяным стариком в засранном баре. Такая драка независимо от исхода сулит лишь одно: позор молодому, у которого не хватило ума ее избежать.

– Ну ладно, будь здоров. – Я встаю, направляюсь к выходу.

И чувствую, пересекая зал, что его взгляд неотрывно сверлит мне затылок... Хлопает дверь – я оказываюсь в дождливой ночи, на пешеходной улице у подножия Лит-уок.

Я заглядываю в пару заведений, добавив к общему счету еще шесть кружек «Гиннеса» и три двойных «джек-дэниэлса» – залпом, без передышки. Алкоголь оглушает, как кувалда. Дома меня ждет Кей, вся в слезах. Заводит песню про свою карьеру, про танцы, про то, как мне плевать на ее будущее и вообще на все, – и в конце концов уходит. Мир скомкан, как после автомобильной аварии. Я пытаюсь возражать, но она смотрит сквозь меня. А я смотрю сквозь выпитое. Мы бесконечно далеки друг от друга, хотя и бредем бок о бок по руинам наших жизней.

Она пришла танцевать.

Я не замечаю ее присутствия – и страдаю, когда ее нет. В пустой квартире невыносимо сидеть одному. Выбегаю под дождь, снова прохожу мимо бара на Дюк-стрит – и вижу, заглянув в окно, как болтается на метафизическом ветру опьянения старый боксер, а рядом осуждающе качает головой успевший присоединиться к нему кореш Басби.

Мне хочется зайти и...

Мимо, мимо!

Не помню, как добираюсь до дома матери. Не помню, как она отпирает дверь. Помню только свой крик:

– Значит, повар, да?! Мой отец был поваром? Кулинарил папаша!

Мы начинаем друг на друга орать, и я повторяю как попугай:

– Повар, повар, повар, повар...

И вдруг в ее глазах появляется странное выражение – не злоба, а скорее насмешка, и она спрашивает:

– Ну и много он тебе обедов приготовил, сынок?

Я выбегаю, хлопнув дверью, решив, что не буду разговаривать с этой упрямой старой шлюхой, пока она не скажет правду...

Вернувшись к себе, устало поднимаюсь по лестнице, отпираю дверь... Вот оно. Лежит на каминной полке. Мое сердце останавливается.

Кольцо. Обручальное кольцо, которое я подарил Кей.

К этому я просто не готов. Да и можно ли подготовиться?

Мой отец, мой бедный папа! Такой хороший человек, никогда мухи не обидел. За что ему такое? Почему? Да еще и мамина скорбь – непрерывная, мучительная... Даже хуже, чем

смерть отца. Все навалилось так внезапно, я просто не готов. Сломался. Не знаю, что делать. И Кэр со мной не разговаривает, молчит как немая.

Мы ждем у входа в церковь. Моросит дождь. Я оглядываюсь: почти никто не пришел. Отца всегда интересовала только семья – а семья-то небольшая, из старших родственников в живых уже никого. Кроме нас, явились только несколько человек из депо да пара соседей.

Так грустно, прямо зло берет: уходит по-настоящему хороший человек – и никто даже не удосужился проводить. А умри какой-нибудь публичный краснойбай вроде де Фретэ, так целая толпа соберется, будут рыдать, говорить: ах, какой был замечательный! Крокодиловы слезы рекой... Но это будет фальшивая скорбь, не то что сейчас: ужасная, тихая, парализующая боль, прямо сердце на куски разрывается.

Папины друзья с работы твердят одно и то же. Он был честным человеком, не пил. Близко ни с кем не сходил, держался замкнуто. Сигнальщики со старого переезда в Торнтоне раскрыли маленькую тайну: в свободное время он вел дневник. Целые тетради заполнял густыми каракулями. Похоже, это была его главная страсть, на втором месте после семьи. А потом он стал машинистом и обрел наконец свое призвание. В одиночку водил большие поезда в Западный Хайленд.

К нам подходит большой начальник из депо, мистер Гэрриок, и говорит с неподдельной печалью:

– Таких, как Кит, больше не делают. Вы должны гордиться.

Панихида проходит очень красиво. Я полагал, что не буду плакать, но слезы сами текут, когда священник Годфри начинает рассказывать об отце – каким он был хорошим, как посещал церковь, помогал старым и больным.

Я стою снаружи, у дверей церкви, пожимаю руки всем выходящим. Иэн встряхивает мою руку и удаляется – даже на поминки не остался. Выражение лица у него очень странное. Наверное, так некоторые люди воспринимают чужую скорбь: не знают, как реагировать. Злой кусачий ветер студит мне голову. Переносицу начинает ломить, как от мороженого, если проглотить большой кусок. Я с облегчением забираюсь в машину и еду в отель на Ферри-роуд, на поминки.

Людей в зале немного. Мамины расчеты по поводу виски, шерри, пирожков с мясом, чая и сэндвичей с кресс-салатом оказались слишком оптимистичными. Она решила, что отошлет все лишнее в церковь и в пенсионный клуб.

Наш сосед Фил Стюарт поднимает бокал виски:

– За тех, кого с нами нет.

Мужчины из депо дружно присоединяются. Мама ставит чайную чашку и со скупой улыбкой салютует бокалом виски, к которому, конечно, не притронется. Папа не осудил бы: он и сам не любил пить.

Я поднимаю стакан апельсинового сока. В другой обстановке на меня посмотрели бы косо, а сейчас, наверное, думают: яблочко от яблони... Зато Кэролайн лихо опрокидывает бокал виски и тут же тянется за другим.

Какого черта она...

В желудке у меня и так беспокойно, а тут еще это зрелище! Я иду в туалет, запираюсь в кабинке и пыжусь, сражаясь с запором. Надо во что бы то ни стало очистить кишечник! Кен Рэдден из клуба «Заводные походники» постоянно твердит, что кишечник должен работать как часы.

Я думаю о двух цыплятах из «Харвест Мун», что вылупились вчера ночью. Люблю игры, где приходится строить, а не только взрывать да стрелять. Ребята из «Рокстара», которые пишут хиты типа «Grand Theft Auto», конечно, очень талантливы, но зачем столько насилия? А «Гейм информер» присудил им десять баллов. Почему люди транжирят свой дар на создание всяких мерзостей? Как они живут после этого? Будь у меня такой талант, я писал бы игры вроде «Харвест Мун». Неудивительно, что ее написали японцы. У них там все по-другому, не как

у нас. Хорошо бы туда съездить! Японские девушки такие красивые... и добрые, наверное. И чистоплотные. И жены из них хорошие выходят. Считается, что они любят западных мужчин. Вот проблема так проблема: выбрать жену! Цилия уже отпала, остаются Энн, Маффи, Карен и Элли.

Маффи...

Снаружи доносятся голоса: двое мужчин подошли к писсуарам. По нержавеющей стали звенят струи.

- Западло, такой здоровый мужик.
- Да, семье сейчас нелегко.
- Блондиночка-то – дочь?
- Угу. Получше остальных.
- Видал, как рюмки опрокидывает?
- Я бы ее саму опрокинул.
- Ну, не забывайся! Ты где находишься?
- А чё? Я просто...
- Знаю тебя, «просто»! Ромео... По диаметру себе выбирай!

От их гнусного хихиканья у меня мурашки по спине. Я корчусь на холодном унитаза в приступе бессильного гнева. Такие подонки не могут быть друзьями моего отца! Почему их так много на земле? Куда ни плюнь! Грубые животные вроде Энди Макгриллена, который мне в школе жизнь отравлял. Пошлые свиньи вроде Дэнни Скиннера... Поверить не могу, что его любит такая красавица! Да и Шеннон к нему, кажется, равнодушна. Я даже слышал, они целовались на рождественской вечеринке, но это, конечно, враки... Почему девушки такие глупые? Если бы они знали, каков я на самом деле! В очередь бы выстроились, можно не сомневаться.

12

Таверна «Архангел»

Дэнни Скиннер с трепетом смотрел на запотевшую кружку лагера. Вот что снимет боль, остановит пытку!.. Но он не выпьет, нет. Будет держаться. Это его долг перед Кей. Он докажет, что сильнее соблазна. Вот сейчас повернется и уйдет. Сила воли.

Давай, пошел!

Скиннер поднялся и решительно покинул бар. Джанкшн-стрит смотрела волком: машины рычали и фыркали в лицо, детишки корчили злые рожи, ворочаясь в колясках, а отупевшие от прозака домохозяйки норовили перерезать ахилловы сухожилия своими тележками. Со всех сторон – из магазинов, автобусов и баров – стреляли трезвые жестокие взгляды, и каждая встреча старуха будто проклинала его, шевеля ввалившимися губами.

Гребаные ведьмы... На фиг мне это надо!.. Ч-черт...

Паника молнией пробила грудь. Он остановился как вкопанный. Кружка все еще на стойке!

Золотой живительный нектар. И табурет еще не остыл. Еще не расправились вмятины от моих ягодич.

Когда он вышел из бара во второй раз, улица уже не казалась зверем. Острые углы сгладились, мир больше не населяли злобные психопаты с оловянными глазами. Вместо них отовсюду приветливо смотрели жизнелюбивые сограждане, самая, что называется, соль земли.

Вот теперь я в форме, готов встретить Кей! Все ей объясню, расскажу, в чем дело; даже соблазню, если потребуется. Хорошо, что она согласилась прийти. Я искуплю свою ошибку! Надо взять красного вина, она любит красное. Да, вино – это отличная идея.

Скиннер зарулил в «Трешерз» и, помяная Боба Фоя, купил бутылку самого дорогого «Пино Нуар».

До прихода Кей еще оставалось время. Он сидел перед телевизором и смотрел футбол, чемпионат шотландской высшей лиги. Бесконечно тупой матч: команда миллионеров, спонсируемая производителями пива «Карлинг» и использующая религиозные распри для привлечения болельщиков, против нищей команды честных тружеников мяча.

Интересная этикетка на бутылке. Ароматическое. Экстрактивное. Богатый вкус. Фруктовый букет. Похоже, неплохое вино, хотя я не любитель красного. Надо попробовать. Один глоток, просто чтобы оценить вкус... А когда она войдет, я одарю ее знаменитой дэнни-скиннеровской улыбкой и проворкую – галантно так, с бокалом на отлете: «О прекрасная мисс Баллантайн! Моя драгоценная будущая супруга! Не соблаговолите ли отведать доброго вина в компании любящего мужчины?»

И она ответит сердито-восхищенным взглядом, словно говоря: мерзавец этакий, как же я могу отказаться! И даже признает потом, когда растают последние ледышки, что тоже погорячилась, перегнула палку. В конце концов, живем один раз, зачем себя ограничивать?

Но когда Кей вошла, от нее дышало таким отчуждением и решимостью, что Скиннер почувствовал в груди холодный кинжал. Не успела она открыть рот, как он уже понял: все кончено.

И Кей, словно прочитав его мысли, произнесла казенным тоном, не допускающим возражений:

– Все кончено, Дэнни.

Скиннер был раздавлен в лепешку. Он и сам не ожидал такого разрушительного эффекта. Жизненно важная часть его души умерла и рухнула, оставив уродливую зияющую дыру. Мог ли он рассчитывать, что пустота со временем заполнится? Или это означало, что отныне лейт-

мотивом его жизни станет медленная эрозия с периодическими обвалами? Нет, он еще слишком молод, чтобы так думать.

Звериный надорванный возглас вырвался из его груди, испугав их обоих:

– Что-о-о?!

Кей понадобилось все новообретенное мужество, чтобы подавить естественный человеческий порыв: подбежать, обнять, утешить любимого, которому больно.

Скиннер всегда считал, что в подобной ситуации не опустится до мольбы. Но он ошибался: жизнь крошилась и покидала тело, гордость потеряла смысл, надо было спастись от распада.

– Кей, пожалуйста... милая, подожди... Мы можем все исправить! Давай подумаем...

– О чем думать, Дэнни? – Кей говорила как деревянная, нервы онемели от бесчисленных обид и разочарований. – Ты алкоголик. В твоем сердце лишь одна любовь, для второй места нет. Я для тебя ничего не значу. Красивая куколка, которую не стыдно показать друзьям. – Она закусилла нижнюю губу. – Тебе плевать на мою карьеру, на мои желания... Я не люблю пьянства, Дэнни! Мне это не нужно. А ты... ты меня даже как женщину не хочешь! Единственное, что у тебя на уме, – это выпивка. Одно слово – алкоголик.

Скиннер слушал с тупым ужасом. Что она говорит? Алкоголик? Что это значит – алкоголик? Человек, который все время пьет? Не может отказаться от выпивки? Нажирается втихаря? Не допил одну кружку, а уже думает о другой?

– Но ты... ты нужна мне, Кей!..

Нужна? Для чего? Скиннер не знал ответа. Можно было сказать: останься и помоги победить болезнь. Но он не чувствовал себя больным. Подумаешь, молодой мужчина, который слишком много пьет! Совсем не факт, что так будет продолжаться всю жизнь. При чем здесь болезнь? Просто в сердце пустота, неудовлетворенность...

– Нет, Дэнни, я тебе не нужна. Тебе вообще никто не нужен. Кроме этого. – Она указала на пустую бутылку.

А Скиннер даже не помнил, как выхлебал вино. Он хотел только оценить качество, один бокальчик – ароматического, экстрактивного...

Ну и как, оценил? Богатый вкус, фруктовый букет...

Болезнь...

Как я докатился?..

Кей ушла, оставила его одного. Удерживать ее просто не было сил. Он даже не слышал, как хлопнула входная дверь, словно Кей была уже призраком.

Может, передумает и вернется? Или не вернется...

Скиннер глотал горячие слезы. Жалость к себе набежала тяжелым валом. Он съежился, как маленький обиженный ребенок. Хотелось позвать маму – не Беверли, какой она стала сейчас, а идеальную фигуру из прошлого, добрую и молодую, способную все понять и простить... Увы, мать его тоже покинула: ее устраивал лишь покорный и прилежный сын.

Старая упрямая корова... Ни за что не уступит.

Она была ему сейчас очень нужна!

А еще – нужно было выпить... Опасная мысль. Скиннер знал, чем она чревата. Он достаточно наслушался пьяных рассказов: предательство матери, отца, любимой. Всегда одна и та же история. Трагическая сага о потерянной любви, поломанной дружбе или утраченном богатстве, переходящая в воспаленно-грандиозные надежды на светлую жизнь – завтра, разумеется. А пока – наливай...

Днем он весел – смеется, поет.

Такие люди сами не замечают, как превращаются в говорящие стаканы, из которых, как из репродукторов, несется знакомый голос алкоголя, поющего свою древнюю песню. Этот голос ни с чем не спутаешь: он шелестит сквозь людей, как ветер, а они лишь добавляют интонации,

которые под занавес тоже уходят, и остается лишь пьяный неразборчивый шум. А люди-стаканы сидят – и никуда не стремятся, ни за что не отвечают, потому что стакану, по сути, нужно лишь одно: чтобы его постоянно наполняли.

Я стал одним из них. Я тоже превратился в стакан. Надо что-то делать, надо остановиться...

Когда мы впервые встретились, это было как волшебство: половодье чувств, иначе не скажешь... Я вдыхал аромат ее кожи, целовал глаза, губы, растворялся, как снежинка в теплом молоке.

А потом покатилось: ранние похмельные пробуждения, грязь на сердце, головная боль... Я путался в простынях, бурчал, отталкивал ее, пытаюсь склеить осколки разбитого сна...

Кто же я такой? Как это называется? Пьющий человек? Как бы не так! Любитель посидеть в хорошей компании? Ага, в те дни, когда не пью один... Гребаный алкаш – вот как это называется!

Я алкаш. Трезвым практически не бываю. Либо пьян, либо мучаюсь с похмелья. А похмелье нельзя назвать трезвостью. Похмелье – это ад.

В воспаленном Скиннеровом мозгу гремели счеты: он делал ревизию своей жизни, пытался вычленить путеводную цель из пестрого бурана грызущих душу тревог и вожделений. Во-первых, он не знал своего отца. Мать молчала, как обиженная рыба, и единственным постоянно мозолившим глаза фактом, в незыблемость которого он с недавнего времени свято и необоснованно поверил, была отцовская профессия: повар.

Можно ли скучать по тому, чего никогда не имел?

Да, можно. Я знаю... Помню, как отцы приходили смотреть наши футбольные игры. Большие уверенные мужики. Серьезный Росс Кингхорн подзывал маленького Десси, трепал по голове: ну, сколько мячей сегодня забьешь? Бобби Трейнор подмигивал щербатому Гэри – такой же шутник, как и его сынок. Моя старушка старалась как могла: стояла у поля, закусив сигарету, делала вид, что следит за игрой. Но чего-то не хватало... Даже Малютка Роб Маккензи знал, где находится его отец, пускай тот и сидел в эдинбургской тюрьме Саутон.

Пытаясь разыскать отца, Скиннер на самом деле хотел получить недостающую информацию о себе. Откуда он произошел? Где его корни – генетические и культурные? Закодирован ли алкоголизм в его ДНК? Уйдет ли депрессия, когда он узнает ответы на эти вопросы?

Вот встречу папочку – в колпаке, с половником – и пойму, откуда во мне тяга к бутылке.

К черту упрямую мать! Я сам его разыщу. Я ей докажу... Я им всем докажу!

Моя старушка была официанткой. Это факт. В каком же ресторане она работала?

Озарение накатило медленно и неотвратимо, как свинцовая волна. Чувствуя холод в желудке, Скиннер посмотрел на кофейный столик, где лежала книга в глянцевой обложке. «Альковные секреты шеф-поваров» Алана де Фретэ. Он нашел нужную главу и с прыгающим сердцем начал читать.

Грегори Уильям Томлин – один из любимейших моих поваров, но это еще не все. Я не погрешу против истины, если добавлю, что Грег – мой давний и близкий друг. Впервые мы встретились в 1978 году, в знаменитой эдинбургской таверне «Архангел». Вы спросите, как получилось, что один из величайших поваров Америки, пионер калифорнийской кулинарной революции, вдруг оказался в таком заведении, как таверна «Архангел»? Я отвечу.

Таверна «Архангел» и по сей день сохранила репутацию лучшей в Эдинбурге питейной, где вдобавок можно неплохо пообедать. В мое время шеф-поваром в ней подвизался легендарный бонвиван Сэнди Каннингем-Блайт. Старина Сэнди, будучи равнодушен к молодым увлеченным поварам, принял на работу вашего покорного слугу, а заодно и юного американского студента, который с рюкзаком за плечами путешествовал по Европе и волею фортуны по пути на французский фестиваль панк-рока оказался в Эдинбурге без гроша за душой.

Мы с Греггом сразу поняли, что одинаково смотрим на жизнь, и сделали неразлучными друзьями. Делились всем: печалью и радостью, записями и сигаретами, галстуками и женщинами, и даже – в исключительных случаях – кулинарными рецептами.

Скиннер медленно опустил книгу на стол. Каждый удар сердца выталкивал из пор холодную испарину.

Грег Томлин. Сэнди Каннингем-Блайт. Алан де Фретэ.

Таверна «Архангел».

Дуги Винчестер сидел за компьютером со скорбной миной, которая, впрочем, сменилась на равнодушную, как только в дверях появился Скиннер. Случалось, Винчестер запирался в своей каморке и не отвечал на стук, а потом с покрасневшим носом оправдывался, что был занят срочными делами. Его должность называлась «специалист по особым проектам», хотя никакими особыми проектами отдел не занимался. Для него одного, в лучших бюрократических традициях, придумали пост, чтобы не платить неустойку за прерванный пятилетний контракт, который он умудрился заключить с департаментом санитарного контроля. До истечения контракта оставалось восемнадцать месяцев, а потом Дуги робко надеялся заключить контракт с другим департаментом и продолжить паразитическое существование вне времени и реальной работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.